

Александр
Шабанов

БОЛЕСЛАВЛЕВ III

В Торжок
и обратно

Короткая
повесть

Александр Шабанов

БОЛЕСЛАВЛЕВ III

В Торжок и обратно

Короткая повесть

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
«ГРАЖДАНСКАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ – ПРАВО,
ЖИЗНЬ И ДОСТОИНСТВО»

2023

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)-44
Ш 12

Шабанов А.Ю.

Болеславлев III. В Торжок и обратно. Короткая повесть. Москва.:
Общественная организация Гражданская преемственность –
право, жизнь и достоинство, 2023. – 128 с.

ISBN 978-5-905559-25-9

© А.Ю. Шабанов, автор, 2023
© «От издателя»: В.В. Коган-Ясный, 2023

1964-1968

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мне казалось, что в третьей части своих приключений протоиерей Болеславлев поедет в Вышний Волочек. Но жизнь отправила его в Торжок. Так что я был неправ. Но все это было слишком давно, да и до некоторой степени фантазия, и ошибка моя простительна. Все, что выдумал о своём очаровательном герое мой друг священник и писатель Александр Шабанов, случилось задолго до той поры, когда самоуверенность царской власти и зависть ее недоброжелателей привели к катастрофе, из-за которой в Торжке были репрессированы многие-многие христиане и надолго не осталось ни одного действующего храма.

Торжок был мирный и по-своему идиллический. То бревенчатый, то белокаменный; весь лесной и речной-ручейный по своему складу. Но дело уже шло к неотвратимой беде, которую остро предчувствовал герой повести. У людей того XIX века, о котором идет рассказ, не было самолётов, ракет, телефонов, соцсетей, телевизора, но они были до боли почти такие, как теперь; ну почти, ну помягче, ну помедленнее, чем мы... Взаправду помягче, как хочется романтически думать о далеком мирном прошлом, которое не знает своего трагического будущего, или это только так кажется, или автор повести нас жалеет? Это нам узнать вряд ли суждено.

Протоиерей Болеславлев, весь круг его друзей, его собратьев-родственников – люди добрые, цельные

и «правильные», в их искренности самоотверженной любви к соотечественникам, личной и общественной, нет ничего от ролевой игры, барскости, безответственной распушенности даже в мыслях, как нет и ханжества. Они действительно смиренны в своем «серединном пути» в той дороге, которой идут по жизни. Сам герой не без критичных размышлений, но без малейшего снобизма быстро берётся выполнить странноватую с вида просьбу своего еще более созерцательного, чем он сам, друга: скопировать надпись на титульной странице напрестольного Евангелия в едва знакомом ему и весьма далеко находящемся храме...

Сегодняшний священник Александр Шабанов, применяя образную систему, привязанную к позапрошлому веку, к моменту после Крымской войны и отмены крепостного права, создал фактически повесть богословскую, через фигуры своих старинных коллег ставя проблемы времени, свободы, служения, сопротивления ханжеству, приспособленчеству и вообще всякой лжи. Образы вечного с очевидностью современного для нас помещены в другую эпоху с одной целью: чтобы прочитали внимательно, сообразно медленному течению литературного времени, которое заставляет задуматься куда как больше, чем быстрота той реальности, в которой мы находимся сейчас...

Виктор Коган-Ясный

Глава 1.

Introduction

прель в тот год пришёл с опережением привычных сроков, а его преемник май буквально обрушился свежим дыханием и грозowymi ливнями.

Третий день Светлой седмицы, как любил в таких случаях говорить Болеславлев, «выдался калиброванный». Солнце разогревало взопревшую землю, легкокрылый ветерок ворошил робкую зелёную дымку новых листьев, запахи очнувшегося после зимнего обморока сада становились гуще, и от Заволжья до самого Эммауса пели соловьи.

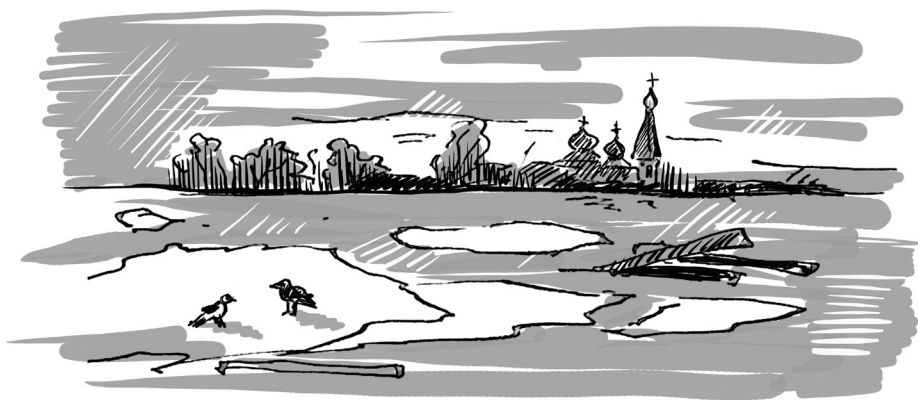
«Природа нынче спешит, – постояв на крыльце, подумал протоиерей, – не припомню такой кипучей весны. Картина, как в оде незабвенного Василия Кирилловича: *“Весна румяная предстала! / Возникла юность на полях; / Весна тьму зимнюю облистала! / Красуйся всё, что на землях...”*» – воскресил в памяти отрывок из любимого Третьяковского.

Год начинался неторопливо, скучно. Глухие ночи сменялись короткими днями. Тверь оглушало трескотнёй морозов, обкладывало снежными заносами, перегораживало редурами льдистых торосов. Народ в храме собирался только на праздники. Бурсаки в семинарии

маялись от пересыпа и скучали у заиндеветших окошек. Февраль промахнул за секунду. С половины марта повеяло робким теплом. За два талых вечера снега просели, земля ослабилась рваными проталинами, зажурчали ручейки, а на Благовещение гулко двинулись Волга с Тверцой.

Поглазеть, как вскрывается Тьмака, Болеславлев ходил к Желтикову. Подле монастыря часто распластался широкий разлив, и если с верховьев воды поддавало изрядно, то зрителям, облюбовавшим обтаявший пригорок, открывалась картина отчаянной сутолоки перекорёженных льдин, горелых чёрных брёвен и мусора, вспученного со дна реки. У деревенских парней прокатиться на ледоходной обнове считалось особым шиком. Для этой бесшабашной затеи требовалось сильно разбежаться, сигануть над студёной протокой и враз приземлиться на ноздреватый ледяной плот. Затем смельчаку следовало изловчиться, поймать бро-

шенный приятелем шест и уже гордо править осёдланной глыбой.

Желтиковские монахи стояли особо. Пожилые вздыхали и, чинно осеняя себя широким крестным знаменем, деликатно кланялись. Иноки помоложе жестикулировали, перешёптывались, принимая трепетное обсуждение вопроса: перепрыгнет Николашка выше Петькиной льдины или поскользнётся в серой шуге да сдуру потопнет?

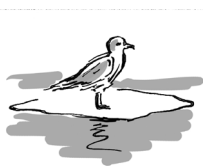
Самым отчаянным катальщиком на льдинах в городе слыл прижившийся на приходе у Василия Фёдоровича инвалид Крымской кампании по имени Лука. Иногда его окликали Лукичом, Лушкой, но чаще Скороходом.

Русская снисходительность, замешанная на злой иронии и пронзительной сердобольности, рождала неожиданные grimасы бытовых отношений, причудливый семейный колорит. Английским снарядом на севастопольских батареях молодому парнишке

Луке оторвало выше коленных чашечек обе ноги и навсегда контузило его кудрявую голову. Несчастный заикался, косил карим подраненным мелкой шрапнелью глазом и непрестанно выпрашивал еды у хлопотливых кухарок. Лука не голодал, но таинственная животная паника, почти мистический ужас оказаться без надёжного запаса сухариков, замызганного сахарного куска, горсти соли и малой связки сушёных рыбёшек загоняли инвалида в чёрную тоску и тихие истерики. Конечно, Лушку подкармливали. Шныряние по льдинам для «крымского скорохода» превратилось чуть ли не в единственный оплачиваемый подвиг. К Желтикову его приносили нарочно, для потехи и зубоскальства. Болеславлев всегда ворчал и даже спорил по этому поводу с уездным исправником.

Глава 2. Письмо Павского

Торжок отец Василий собирался с самого Сретенья. На праздник ему прилетела весточка от старинного приятеля, столичного протоиерея Герасима Петровича Павского*. Лично они встретились однажды в Санкт-Петербурге. Поговорили, разошлись, но тоненьким ручейком их тёплая переписка бежала уже второй десяток лет. Последние годы отец Герасим тяжко недужил. Не служил, ходил с трудом, натужно дышал и почти ни с кем не встречался. Его прежние студенты растворились на просторах России, расселились по монастырям, дальним приходам, а городские прихожане дряхлели, забывали день именин Павского, дату рождения и только скорыми утренними молитвами поминали своего любимого пастыря.

* Герасим Петрович Павский (1787–1863). Филолог, экзегет, переводчик Библии, основоположник русской библейско-исторической школы, автор известного учебника еврейского языка для духовных семинарий.

Регулярно справляясь о здоровье Герасима Петровича, Болеславлев получал ответы неизменно полушутливые, афористичные. К примеру: «Спасибо, собрат, за заботу. Жив твой курилка и, послушно апостолу Павлу, «вращивает внутреннего человека, поскольку внешний изрядно обветшал»*. А то приходила из Петербурга латинская фраза: «Vita incerta, mors certissima»**. Некоторые поучения Павского (с обязательной приговоркой: «Как говорил один мудрец») Василий Фёдорович осторожно вкраплял в свои приходские проповеди. Лентяи, обличаемые протоиереем, слышали: «Береги-

---

* 2-е Коринф. Гл. 4. С. 16.

** «Жизнь непредсказуема, смерть не подлежит сомнению» (пер. с лат.).

те время, дарованное вам Богом. Не забывайте, что случилось с проклятой Господом смоковницей. Хоть она и росла, распускала листья, но плода не родила. Зря были потрачены сроки жизни». Или: «Дорогие мои, – задумчиво вздыхал Болеславлев, – помните, что внешний мир никогда не будет уютным. В нём веют ветры злых стихий. Ваш дом – основа покоя. Храните его в благочестивой рачительности и чистоте. Христос возлюбил кротких сердцем».

Почтовой службой священники пользовались редко. Павский не доверял штемпельным конвертам. Считал, что с тех пор как в духовной академии он лишился преподавательского места, негласный полицейский пригляд за его личной корреспонденцией так и не отменён. Письма друг другу они передавали через купцов, имевших столичные дела, паломников, отправлявшихся к северным святыням града Петрова, а также используя связи промышлявших по северо-западу империи тверских ремесленников.

Поначалу просьба Павского показалась Василию Фёдоровичу более чем странной. Питерский протоиерей мечтал иметь копию титульного листа старинного Евангелия, лежавшего на престоле церкви святого

римского папы Климента. Десятки лет корпевший над библейскими переводами, Герасим Петрович с жаром юного кладоискателя отыскивал включённые в орнаменты рукописных книг древнееврейские символы, а тут кто-то из паломников рассказал ему об иудейских письменах, украшавших гравюру Воскресения Христова новоторжского фолианта. В год разорения Торжка войсками князя Михаила Ярославича белокаменный храм мученика Климента практически не пострадал. В цветущем посаде все деревянные церкви безвозвратно сгорели, но Борисоглебскую обитель и Климентский приход огонь милостиво пощадил. Разграбить алтарную утварь княжья дружина не дерзнула. Так что, когда в XVI веке храм обновили, то древнее Евангелие с заветной гравюрой благополучно возложили в его главном, нижнем приделе.

Глава 3. Мечты и планы

Добратся до Торжка Болеславлев рассчитывал к полудню. Планировал сначала отправиться в Климентскую, сделать копию листа, затем пройтись по ярмарочным рядам и уже после обеда в монастырской трапезной выезжать обратно. Каждый из намеченных пунктов плана Василий Фёдорович старался представить бегло, без деталей. Видел самого себя несколько отстранённо: «Вот захожу, раскланиваюсь. Приветствую настоятеля. Перерисовываю для Павского картинку. После брожу меж торговых лавочек. Ем деревянной ложкой льняную кашу со сметками. Пью из глиняной кружки ржаной квас и под вечерние сумерки трясусь в коляске домой», – размышлял протоиерей.

Он не продумывал, а скорее прописывал себе день. Так было спокойней и время пролетало незаметно. Еще только покидая Тверь, Болеславлев уже начинал мечтать: насколько будет

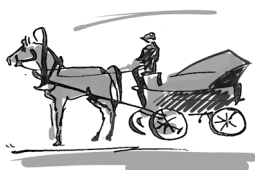
приятно, возвратившись из путешествия, надеть старый халат, выпить чашку чая и тихонечко задремать в уютном глубоком кресле. Отцу Василию не нравилось загадывать те или иные дела, он предпочитал «выстраивать» время, представлять, как будут выглядеть эскизы событий, образующих единую картину дня.

«И что, вообще, есть время? Если спросишь меня – не знаю. Оставишь вопрос без любопытства – понимаю его, но пересказать всё равно не смогу. Так, кажется, у блаженного Августина?» – ныряя в сон, пробормотал Болеславлев. В следующую секунду колесо экипажа ударило о колдобину, рессора натужно крикнула, коляску тряхнуло и Василий Фёдорович досадливо подхватился: «Кась эдакая! Новые ямы на старой дороге! Не угадаешь родные тракты. Ухо держи по ветру, а нос остро. На чём я уснул? На вопросе времени у Августина? Точно. Оно у нас не летит. Кувыркается. Делает сальто. При каждом самодержце свои кульбиты. В следующем году столетие великого пожара*. Чёрный юбилей приходится как раз на майские дни. Тогда Пасха была ранней. Светлое Воскресение – 23 марта. А в Духов день, 12 мая, почти вся Тверь выгорела. Господь любит своих, но лекарства им посылает горькие. Досадили горожане святому Духу, и стихия разгулялась. Говорят, будто первым полыхнул архиерейский

---

* Великий пожар – 12 мая (по старому стилю) 1763 года, в праздничный день Сошествия Святого Духа, в Твери сгорело 850 деревянных домов, городская канцелярия, магистрат, несколько храмов, казначейство, го-стинный двор и старинный Тверской кремль.

дом у Спаса. И уже оттуда по всем посадским кровлям пошли огненные языки вещественного пламени. Хотя ещё загодя упрямых тверитян предупреждал юродивый Макарка Гончаров: «Бегите! Спасайтесь, оглашенные! Огонь с водой грядут!» Но кто ж у нас юродивым верит? Фокусникам на ярмарках и плутам печатным верят, а блаженненьких только шугают и по острогам теснят. Под сердитую руку народа сотни праведников так и сгнули. У Бога-то все они на единой ладошке, а большие города все, как на ниточке честного слова подвешены. Беда круговая».

Глава 4. Покидая Тверь

Болеславлев любил путешествовать. По подсушенному тёплыми ветрами почтовому тракту лошадки шли бойко. Коляска на пружинистых рессорах легко покачивалась, солнце поднималось всё выше, и незаметно наступало целительное действие дороги. Тонкой струйкой пряного лекарства сквозь микроскопические паутинки сосудов и капилляров оно проникало во все части тела, согревало, умиротворяло путешественника. Прозрачнее и невесомей становились воспоминания. Взгляд скользил по пейзажу, но из мерно колышущейся картины майского утра цепко выхватывал знаки весенних перемен. На сердце легчало, и ветерок ласкал заспанное лицо протоиерея. Василий Фёдорович жмурился, нетерпеливо вдыхал запахи влажной земли, благоухание зеленеющих перелесков. Прислушивался к посвистам и звонкой трели ранних птиц. Губы его складывались в довольную улыбку, морщины на высоком белом лбу разглаживались, и он, решительно сбросив зимнюю рясу, остался в подряснике и стёганой душегрейке.

«Ну да... вот это и есть моя маленькая жизнь, – рассуждал Болеславлев. – По сути, дороги не только нити,

связующие города и веси, а сокровенный, особый мир. Примостившись в коляске, странник наблюдает не просто за внешними переменами, но иначе различает и самого себя. Беспокойная душа и сердце в путешествии приобретают необходимое лекарство – утешение. Кровь пульсирует ровно, голова светлеет, хочется петь».

Чуть слышно Василий Фёдорович промурлыкал:

*В дорогу жизни снаряжая
Своих сынов, безумцев нас,
Снов золотых судьба благая
Даёт известный нам запас.
Нас быстро годы почтовые
С корчмы довозят до корчмы,
И снами теми роковые
Прогоны жизни платим мы.*

«Да уж, точно, прав Баратынский – мы платим. За всё приходится платить, и не копеечкой, а целковым», – подытожил отец Василий.

Проехав с версту, Болеславлев привстал в коляске и оглянулся. Отлив солнечного света скользил со срединного купола Преображенского собора. В голубом

окоёме майского неба Златоверхий Спас, как горожане называли свой главный храм, величественно сверкал, и только прорезные чёрные кресты на других четырёх его луковицах казались несуразно большими, тяжёлыми.

Коляской правил давний знакомец отца Василия Анисий Христофорович Петухов. Был он из вольноотпущенных.

После Крымской кампании семья Петуховых неожиданно получила вольную. Их барин, тяжело раненный и вдоволь хлебнувший военного смрада, ещё юный князь Истомир, лёжа на больничной койке, дал зарок: при благополучном возвращении отпустить своих крестьян на все четыре стороны. Пообещал – сделал. Однако наделять землёй бывших крепостных не стал. Так что пришлось Петуховым долго мыкаться промыслами, подработками, тянуть ляжку безденежья, пока, наконец, не перебрались в Тверь к дальней родне и не приспособились здесь к ямщицкому делу.

Местные шутники сократили петуховское имя-отчество до зычного – Форыч. Широкоплечий, коренастый, кудрявый, с карельскими чертами лица, Анисий

Форыч умело правил лошадами, громко свистел, лихо разворачивал коляску и был говорлив порою сверх всякой меры. По любому вопросу у него имелось особое мнение. Когда лучше сеять ячмень, у кого закупать мёд, какие читать газеты, что творится на петербургских мануфактурах – обо всём не терпелось ему порассуждать, к любому спору рвалась беспокойная натура. В храме Петухова видели только на Рождество, Пасху и в Михайлов день. «Мне, – объяснял Форыч, – работать надо, а не лбом о доски стучать. Бог является, когда рождается, воскресает и поздравляет Своего верховного Архистратига. Другими днями простой народ сам за Ним бегают, а нашему брату недосуг. Семья большая, требует доброго прокорма».

Кучер уважал протоиерея за добродушие и учёность.

– Вы, ваше преподобие, – говорил Анисий, – хороши тем, что малопьющи и книжную грамоту почитаете за добродетель, о которой в заповедях сказано, как о «правде». Другой бы протопоп с печи не слезал, а вам даже в дороге лишь бы буквы глазами перебирать и канты разучивать.

– Это не канты, а стихотворения, – возражал Василий Фёдорович, – поэзия. Душевные баллады, лирические описания природы, мысли великих людей, музыка чувств, одним словом.

– То и удивительно, – уважительно кивал Форыч, – я наблюдаю красоты у себя перед носом, а вы такие ещё и в книгах находите. Чем не блаженство? Меня в детстве грамоте обучили, но читать остался непривычен.

Песен знаю много, а стихи разучивать – дело господское.

– Хочешь послушать сочинение поэта Кольцова? – предлагал Болеславлев. – У Алексея Васильевича всё просто и складно.

– Ну-у, коли вам угодно и дорога не трясёт, – недоверчиво бормотал кучер, – расскажите, что он там сочинил.

Протоиерей декламировал по памяти:

*В поле ветер веет,
Травку колыхает,
Путь, мою дорогу
Пылью покрывает.
Выходи ж ты, туча,
С страшною грозою,
Обойми свет белый,
Закрой темнотою.
Что ему на свете
Доля не людская,
Когда его любит -
Она, молодая!*

На двух первых строфах Форыч внимательно прислушивался, потом расплывался довольной улыбкой и уже ближе к концу декламации начинал отбивать рукоятью хлыста такт себе по коленке.

– Складно, ваше преподобие, – выносил вердикт Анисий, – душевно, с горчинкой. Как там: «Что ему на свете доля не людская?» Правильно. У всех эта доля

разлита под самый край. Только Бог синими облаками плывёт и плывёт.

«Вот ведь, – ловил себя на мысли Болеславлев, – простой вроде мужик, а сам того не зная, готов говорить стихами. Сколько талантов ссудил Господь нашему народу. Не все же монеты закопали в землю. То там, то здесь блеснёт счастливая искорка».

Глава 5. Офицер Добродеев

оляска пошла шибче. Василий Фёдорович различил показавшееся на повороте село. «Должно быть, Малицы? – подняв плечи, потянулся протоиерей. – Бодро едем. Это уже двенадцать вёрст отмахали. Скоро Мермерины, а там, глядишь, Поддубки и Медное».

Из Малиц до протоиерея доходили новости всё больше печальные. В Малицах с большой семьёй и сотней душ крепостных обретался известный всему городу отставной полковник Добродеев Николай Николаевич. Молодыми годами Добродеев служил на Кавказе и в Бессарабии. На Крымской кампании был легко ранен и отправлен с почестями на покой.

Николай Николаевич любил приговаривать: «Я имею мозги строгие, а душу широкую». Своё офицерство он считал не столько призванием, сколько «вернейшим способом постижения миропорядка». На недоуменное молчание сослуживцев, слышавших его рассуждения, полковник снисходительно замечал: «Бог призвал меня к штандарту, чтобы явиться в грохоте сражений и литаврах виктории. Господь открывается победителям и в темечко нежно целует своих героев». Стесняясь отыскивать заветное темя, собеседники уважительно пяли-

лись на открытый, взметающийся в блестящую лысину полковничий лоб. Следили за круглыми, словно взбивавшими невидимое тесто, кулаками и крупной испариной вокруг офицерской шеи. Семейные передряги, преследовавшие Добродеева, становились достоянием многочисленных пересудов как в Твери, так и далеко по губернии. Печатая шаг, в его голове маршировали тяжёлые, надёжные мысли. Никаким лихим ветрам, шалому сквозняку дурных сомнений или тщете колебаний сбить полковника с пути защитника отечественных идеалов и святынь возможностей не представлялось. Широкая душа увлекала Николая Николаевича в предприятия странные и необычайные. Он любил «закладывать основы добрых предприятий», становиться «радетелем благих начинаний». Решит, к примеру, в устье речки Кашинки, на предполагаемом месте встречи преподобного Макария Калязинского с Великим князем Иоанном Васильевичем, возвести памятную часовню. Наберёт в дворянском собрании благотворительных взносов, растрясёт городское купечество и строит. Ни про какую встречу самодержца с иноком местные историки слыхом не слыхивали, но Николаю Николаевичу всё нипочём. Говорит: «Доподлинно известно, что русский князь хаживал к святому за советом и молитвой. Так ис-

покон веку в нашем государстве повелось – единством спасаемся. А кто против очевидной истины? Басурмане да саксонские еретики!» Спорить с полковником никому не с руки было. Поставили часовню на семи ветрах. Раз в год, на полковничьи именины, служили благодарственный молебен. Государь вручил ему орден, Святейший синод – серебряную табакерку. Былую страсть к армейской муштре и телесным экзекуциям Николай Николаевич вымещал на своих крепостных. Виновных в мелких проступках отправлял пороть на конюшню, «злодеев государственных» сёк берёзовыми розгами самолично. А такими преступниками у малицкого барина считались мужики смекалистые и тороватые.

Времена настали иные, но привычка к скоро изливаемой злобе осталась у Добродеева неизменной.

«В конце концов, обычное дело, – рассуждал Болеславлев, – мужчин меняют женщины, женщин меняет возраст, дети, деньги, и отравляет всех нас душевная небрежность. Кого в храме наставила моя тридцатилетняя проповедь? Или книжные вразумления святых отцов? Всё притко катится кривыми тропами. Вдоль да поперёк здравого смысла. Вот Николай Николаевич, бедолага, не избежал соблазнов власти. Сердце загрузело, а разум барину уже давно не советчик».

Глава 6. Философская

К стати, – Василий Фёдорович сгрёб бороду в кулак, как случилось в минуты большой задумчивости, – любезный Павский частенько любил порассуждать о здравомыслии. Нынешняя весточка из столицы – довольно забавная просьба. Прежде бывали депеши свойства иного».

Действительно, под Крестовоздвижение 1862 года священник получил пространную записку следующего содержания:

«Дорогой собрат во Христе! Злые хвори обрушились на мой, и без того расколотый, телесный сосуд. Ноги не ходят, а влачатся, больную голову хоть варяжским топором руби. Сплю через ночь, и глаза совершенно ослабли. Старею. Боюсь помереть невзначай. Временами страх сменяется рассеянностью и унынием. Сижу подле окошка, разглядываю семенящих прохожих, нарядные экипажи, му-

жицкие телеги, несчастных бродяг и храбрых офицеров. Знаю: никто из этих путников ко мне никогда не заглянет. У всех свои великодействия, хлопоты и нелепости. Всё бы оно ничего, да чую, как в сердце сжимается невидимая пружина времени. Душа ноет, обуревают её волны нездешней тоски. Бормочу на память псалмы Давида. На третьей кафизме* со славянского перехожу на греческий. Засим на древнееврейский. Применяю наше российское наречие, потихоньку успокаиваюсь. Нападает дремота. Хорошая эта штука – молитвенная дрёма! Сквозь её дрожащую зыбь всплывают воспоминания. Одни – словно воском залепленные страницы изношенной книги. Таковые скоро переворачиваю. К другим, особенно горьким, не хочу возвращаться. Но большинство радостны и беспечальны. Хорошо в моём возрасте оставаться с ясной головой и картинками минувших лет. Недавно какой-то преосвященнейший прощельга вещал с амвона: мол-де следует нам жить только нынешними днями, прошлое сгнуло навсегда, а грядущее в руках Провидения. То, брат, не разум Христов, а глупая юность в нём пустомелит. Господь знает все наши раны и бережно заживит старые шрамы. Помнишь вечный вопрос: куда исчезает свет от прогоревшей и погасшей лампы? Как мои грёзы, этот трепетный блик скрывается где-то в лабиринтах у ветхой Мнемозины**. Время

---

* Кафизма – богослужебный раздел Книги Псалмов (Псалтири).

** Мнемозина – древнегреческая богиня памяти.

приводит нас к ветхости, но над душой, покуда мы неразлучны с Творцом времени, оно бессильно. Ну да ты меня понимаешь».

«Философ наш Герасим Петрович! – жмурился вешнему солнцу Болеславлев. – Ни единой мелочи не упустит. Любое неблагозвучие музыкальный слух обличает. Зачем только, ума не приложу, понадобился ему титульный лист климентовского Евангелия? Может быть, на фронтисписе* особые типографические знаки, символы или имя художника сохранились? Храм, конечно, древний, но на престольное Писание не старше Елизаветинских времён. Все старообрядные фолианты давно на государевы книги заменили. Скопирую как смогу. Рисовальщик из меня неважнецкий. Главное: стовориться с тамошним настоятелем».

В Малицах, за щетиной соснового леса, уютный Никольский монастырь мычал коровами, ухал перестуками далёких топоров. Монахи подновляли баню или латали крыльцо настоятельского корпуса. В синеве меж деревьев на шпиле соборной церкви блеснул высокий крест. Отец Василий снял шляпу, осенил себя троеперстием.

---

* Фронтиспис – иллюстрация в книге, которая размещается обычно на левой стороне разворота титульного листа.

Затем крикнул вознице:

– Форыч! Слышал, малицкие монахи фруктовый сад обихаживают. Что ж у них – и виноград с персиками имеются?

– Про персики врать не стану, – задумчиво ответил Анисий. – Яблоки, груши, сливы и всякая ягода растёт. Иноки сладенькое любят. Варенье, компоты, цветной мармелад сами в ярмарку на продажу привозят. А что им ещё делать? Не всё же молитвы править. Господь и так наизусть все каноны знает, а торговать любому сословию нынче прилично. Даже духовному. Времена такие настали. Свой куш карман не тянет, кто расторопней – тот и прав. Покуда в Желтикове братия мебели стругает, Николо-Малицкие затворники кисель наварят, коврижки засахарят и в оборот. Барыням – лакомство, деткам – радость, наместникам – прибыль. Нешто плохо?

– Хорошо, – согласился Василий Фёдорович. – Недурственно. Всем малая радость и добрый прибыльок. Куда теперь без церковной икономии? Вот и мой Никитка так думает.

Глава 7. Никита

Никита Фёдорович Болеславлев был старше своего брата Василия на три года, но их дружбе и сердечной привязанности это обстоятельство не мешало. Врождённая медлительность и житейская нерасторопность вылепили у Никиты характер мягкий и незлобивый. Он относился к тому разряду русских пастырей, о которых в народе говорили: «Батюшка у нас ласковый, жалостливый». После семинарии Никита Фёдорович женился на дочери священника Бежецкого уезда Николая Цветова, красавице Прасковье Николаевне. Когда отец Николай преставился, молодой зять получил его настоятельское место. Приход Цветова ходил в середнячках. До богатых городских церквей не дотягивал, но и в деревенскую нищету не скатывался. Числился по второму разряду. Надел хотя и считался достаточным, да толку от тощей бежецкой земли было мало: то недород, то падёж скотины. Казённое жалование приходу составляло 590 рублей в год. Отец Никита получал 300, дьякон его Феофил 100, дьячок Никон 75, пономарь 45, причетник 40, просфирня 35. Настоятелю кое-что перепадало ещё за счёт треб: крестин, венчаний, надгробного отпевания, молебнов по домам, панихид, плюс кружечный и кошельковые сборы. Барин

крепкой невеликой усадьбы свой сельский храм любил и всячески пестовал. То за личный счёт крышу сторожки перекроет, то подсвечники поновит.

Главной статьёй церковного дохода были свечи. Правда, после николаевских реформ прибыль следовало платить в Комиссию духовных училищ, но вольная трактовка вопросов «церковной икономии» научила настоятелей деликатно «выкруживать». Часть сбережённых от строгого консисторского ока средств аккуратно приписывали к пожертвованиям лиц, решивших остаться безымянными, или прямо относили на кружечные приношения. Консистория проверяла приходы редко, но метко. По жалобе или из-за дурного глаза соседской зависти присылали комиссию, и та трясла

попа вместе с церковным старостой, как лён на карельской трепальне. Упредить епархиальные набеги можно было только одним способом: присылать ежегодный взнос так, чтоб он был пусть на рубль, но больше прошлогоднего. А если настоятель собрался наградить почётной медалью солидного жертвователя, то сумма взноса увеличивалась на пять или даже десять целковых. Опереться сельскому пресвитеру было не на кого. Начальство требовало ассигнаций, а прижизненные деревенские мужики сердито бухтели: «Поповское дело плёвое; мы

вот все горбом, а вы только горлом. Сказал протопоп: «Господи, помилуй, Господи, помилуй – гривенник ему; потом: аллилуйя, аллилуйя – и пятак. Спину не ломит». Тем не менее Никита Фёдорович слыл трудягой.

Самолично вскапывал большой огород, колол дрова, чистил сараи, на старой кобылке возил воду, набивал снегом ледник, ходил с матушкой и детьми по грибы, за ягодой, ловил в реке Медведиха зелёных щук, столярничал и даром учил грамоте смышлёных алтарников. Его уважали, с ним раскланивались, но всегда держали под хитрым прищуром: «У попа товар – ад и рай, что хочешь, то и выбирай». Ещё отец Никита любил шахматы. Ради ежемесячного шахматного приложения Михайлова выписывал из Петербурга журнал «Русское слово». Долгими зимними вечерами они с Прасковьей Николаевной разыгрывали мудрёные партии, а если спорили, то исключительно на темы дебютов Кизерицкого и эндшпилей Кушелева-Безбородко...

Праздничные службы на приходе Никиты Фёдоровича собирали всю округу. В церковном дворе он устраивал летние угощения, а также рождественские гуляния с шутками и потешными огнями. Вина на торжествах не разрешалось, но хмельного кваса хватало на всех.

Деток старшим Болеславлевым послал Господь много. Трое правда умерли во младенчестве, но пятеро на радость супружеской чете выросли здоровыми, смышлёнными.

Своих племянников Василий Фёдорович любил и баловал подарками при каждом визите. Впрочем, виделись они от силы дважды за год. Летом на Ивана Купалу и осенью в Покров. «Предтеча сзывает родственников ко дню рождения, а Матерь Божия покрывает первым снегом», – шутил Болеславлев-младший.

В этом году с братом они ещё не виделись, а в прошлом тепло встретились на Покров и прокалякали после Всенощной почти до утра. Сначала разговор касался вопросов епархиальных, потом обсудили скандальное дело священника Николая Ивановича Папоротского, а ближе к утру у братьев случились дебаты о недавно дарованной свободе.

– Поспешил император с вольной, – тяжело упираясь кулаками о столешницу обеденного стола, басил отец Никита, – нашему мужику разгуляй только во вред. У меня на селе в каждой второй избе до сих пор лучину в светец ставят. Крестьянин домой с работы ввалится, перекусит томлёной репой, детей шуганёт, недоделку какую поправит. С женой посудачат. Помаячит таким манером да спать пойдёт. Читать ему, даже если из грамотных, недосуг. А без книжного знания свобода – одно искушение и соблазн.

– Свобода, – отвечал Василий Фёдорович, – дарована Христом. Если мне нет дела до чужой воли, то кого

будет интересоваться моя? Свободным человека делает Истина, а невежество порабощает. Если Государь с Господом, то дела его благи, а если нет, то дурны и преступны. Корона не нимб. В лихой час слетит, и её, ровно картуз, не поймаешь. Я, Никита, у Бога всегда прошу две вещи: навык понимания простого мужика, и чтобы Он подсказал мне мой следующий шаг. Первая – ключ к совести прихожанина, вторая – основа моей надежды. Каждый из нас может принести знание и сделать много добра простым людям. Через дружбу с малыми мира сего даже неразумный грешник становится другом Божиим...

– Это ты, брат, лишнего хватил, – вздохнул Никита Фёдорович, – меня на всех не хватит. Возьми того же Папоротского, – священник вернулся к прежней теме. – Чем отец Николай не угодил своему барину? Обличил в блуде и жестокости? Так на то он и присягу давал – «служить Матери-Церкви», то есть Христу живому, а не консистории казённой. Иоанн Предтеча, помнится, Ироду Четверовластнику выговаривал за распутство, а не за государственные проделки. И голову праведнику снесли по бабьей прихоти, со страху и ненависти. А здесь – сплошное надругательство.

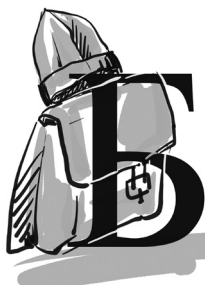
Все участники скандала к единой чаше подходят, кланяются друг дружке, благословения берут, а после дыбой стращают.

– Не дыбой, конечно, – мягко возразил отец Василий, – но забвение с нищетой Папоротскому гарантированы. Смирение и уничтожение крестьянину известны не хуже, чем нашему священному собрату, только спрятаться в алтаре, как мы с тобой, простой мужик не сможет. Ему перед барином шапку ломать и батоги на конюшне терпеть.

– А нам что? – Никита насупился. – Только покаянные письма строчить и консисторские взносы по закромам выскрёбывать? Корявая жизнь в благодатной стране. Воротит иногда, Вася. Терплю только ради деток и Прасковьи Николаевны.

Глава 8. Пешая прогулка

Болеславлев решил пройтись. Страхнув остатки недавнего сна, жадно вдыхая внешний воздух, он собирался не просто размять задеревеневшую спину, ноги, а бойко прошагать следующие две версты. Неровной серой лентой бутрился старый тракт.

«Если не петлять между выброшенными к обочине булыжниками, обходить промоины, терпеливо ступать по уже подсохшей колее, то подол рясы почти не замыгаешь и сапоги будут целее, – рассуждал священник. – К тому же при доброй ходьбе голову от дурных мыслей проветривает моментально».

С годами у него выработалось два непреложных правила. Случись какая-то душевная сумятица, застучи в висках молоточки нервозности, начни вверх по горлу подниматься глухое раздражение, он бросал все дела и отправлялся в длительные пешие прогулки или начинал голодать. В первом случае священник отмахивал быстрым шагом не менее шести вёрст. Пробираясь лесными тропами, примечал грибные опушки, свежий березняк, муравьиные холмики. Не задерживался. Скоро шел полевой дорогой. Разглядывал дальние косогоры, речную излучину, вереницы высоких облаков. Домой возвращался усталый, но, по собственному

выражению, «с чистыми глазами». Противного спазма за кадыком как ни бывало. В иной неурядице помогало голодание. Не пост, с его хитрыми разносолами, а совершеннейший отказ от еды. Сутки Василий Фёдорович пил колодезную воду или отвар, настоянный на листьях мать-и-мачехи. Внутри тела что-то незаметно обновлялось, обострялся слух, и даже чайная ложка мёда с тёплой водой казалась тогда лакомством.

– Подожди, Форыч! – крикнул в спину возницы отец Василий. – Я чуток прогуляюсь. Спина, брат, затекла, и ноги ноют.

– Как скажете, ваша милость, – Форыч натянул вожжи. Лошадки послушно остановились.

Болеславлев легко соскочил на гребень подсохшей колеи и уверенно зашагал вперёд. Минут пять кучер задумчиво смотрел в спину удаляющегося протоиерея. Потом перекрестился, шикнул лошадям: «Айда за блаженным, снулые. Как бы он в овраг не кувырнулся».

Бодрым шагом двигался Василий Фёдорович. Скуфейку спрятал в карман подрясника, левой рукой поддерживал край тёплой рясы, а правую использовал в качестве солнечного козырька. Ветер трепал его седины, щеко-тал в носу и разглаживал морщины на высоком лбу.

Пройдя таким манером с версту, Болеславлев перехватил полу рясы правой рукой, а левой полез в карман за скуфейкой. К некоторому удивлению вместе с головным убором он извлёк вчетверо сложенную бумагу.

«Кась эдакая! – досадливо хмыкнул священник. – Это ж ответ Артиста из консистории. Второй день таскаю. Совсем забыл».

Собственно говоря, носил он своё прошение с резолюцией, наложенной тверским епископом. Отец Василий остановился и перечитал резолюцию ещё раз. У Артиста был мизерный, с капризным тугим наклоном почерк семинарского зубрилы. На полях прошения буквы преосвященнейшего сперва расползались жирными чёрными бусинками, затем близоруким прищуром слипались между собой. Внимательное изучение архипастырской реляции стало своего рода разгадыванием двух последовательных головоломок. Сначала протоиерею потребовалось разобраться в хитросплетениях епископского пера, а после расшифровать нагромождение туманных софизмов. Попыхтев над многочисленными: «поелику», «понеже», «со благими начинаниями», «соизволил быти» и прочих оборотов, Василий Фёдорович понял – консистория требует де-

нег. Речь шла об очередной, откровенно грабительской, сумме. И хотя назывался этот епархиальный сбор «добровольным пожертвованием посильного взноса на ратное дело», пренебрегать исполнением «высочайшего благословения» не рекомендовалось.

«Святой мучениче Никита, – принялся молиться новгородскому бесогону Болеславлев, – избави от духов злобы поднебесных, дай нам ясность ума и спокойствие сердца. Уврачуи жадность и скарედность митроносных князей с их пронырливыми соглядатаями! Урезонь ненасытных, избави чад твоих от позорного помыкания. В конце концов, Церковь не архиерейское подворье на Миллионной, а дом Божий».

Василий Фёдорович понимал суетливое желание консисторских чиновников прогнуться под тяжёлой рукой верховной власти. Священнику были известны всяческие мудрёные толкования евангельских слов

о послушании, смирении, патриотизме. И его глубоко печалили истории, в которых именем Господа совершался подлог или оправдывалось клятвопреступление.

«Вот будет у России ещё больше земли, – рассуждал Болеславлев. – Станем мы жить шире, вольготнее. А грянет ли вслед за изо-

билием порядок и достойный мир? Сможет на старости лет тот же Форыч взять ссуду и выстроить дом? Поступят его внуки в столичные университеты или, как дед, протрясут свои годы на струганых облучках? Край наш, хотя и чудесный, но по преимуществу северный. Почвы скудные, урожаи невеликие, погоды суровые, а дороги – словно спуски в земные пропасти. Второй час, как едем, и ни единого встречного. Куда все попрятались?»

Перепрыгнув лужицу талой воды, священник развернулся и замахал дремавшему на козлах Форычу.

– Анисий! Гони шибче! В другой раз погуляем.

Глава 9.

Ефрем Новоторжский

Много раз Торжок разоряли и жгли. По камешку, дощечке, сначала монголы, потом тверитяне, затем поляки и прочие разбойничьи ватаги разносили дома рачительных новоторов. Лихие руки выкорчёвывали старинные дубы, с плетёных маковок сбивали кованые кресты, потрошили деревянные

храмы, засыпали глубокие, с янтарнобрюхими карасями, пруды и топили в Тверце всё, что не смогли утащить в свои воровские норы.

Но вокруг обожжённых стен Ефремова монастыря город собирался заново. Створы еловых чаш неспешно раздвигались, с глухих болот сдувало пелену утреннего тумана, и по неприметным тропкам в белокаменное гнездо обители возвращались люди. Выжившие, схронившиеся от пагубы му-

жики отстраивали новые палаты, рубили свежие избы, с речных отмелей вычищали горелый скарб, и у «Нового Торжца» открывалось второе или уже пятое дыхание.

«Удивительное дело, – рассуждал Василий Фёдорович, – не монастырь был при сапоге княжеского подворья, а целый город вокруг божьей обители. Здесь, в серединной Руси, можно сказать, сбылась мечта блаженного Августина: град Божий на земле. Одно печально – граду тому доставалось поболее прочих земных устроений».

По непамятной уже причине одним знойным июльским днём они с матерью приехали в Смоленскую церковь села Кушалино. Васе как раз исполнилось восемь. Мария Леонидовна в приходской сторожке что-то долго обсуждала с супругой местного дьячка, он же рассеянно бродил по пустому храму. Кушалинский иконостас показался отроку темноватым, а вот стенная живопись неожиданно увлекла. Притвор, купол, своды над хорами, арки у северных и южных врат – отовсюду на него смотрели лики ангелов, святителей и преподобных.

В переливах полуденного солнца они казались живыми и празд-

нично одетыми. Юный Болеславлев медленно переходил от одной фигуры к следующей. Вполголоса читал надписи. Радовался, когда узнавал знакомые имена. Там были: Николай Чудотворец, Арсений Тверской, Георгий Победоносец и другие герои «Жи-

тия святых» Димитрия Ростовского*. В те минуты с Васей случилось то, что иногда бывает с малыми детьми и даже подростками. Всмотревшись в храмовую роспись, он среди изображений множества святых нашёл знакомое лицо! Так ему показалось.

На восточной стене он разглядел приветливый лик святого в необычном головном уборе. Надпись гласила: «Ефрем Новоторжский». «Вот это да-а!..» – прошептал будущий протоиерей.

Если некоторые святые поднимали свой взор вверх или смиренно прикрывали глаза веками, то Ефрем смотрел прямо на мальчика. От неожиданности тот даже вздрогнул. Ему показалось, будто новоторжский игумен радуется их неожиданной встрече. Подражая написанному святому, отрок положил правую руку к сердцу и вежливо поклонился.

---

* «Жития святых» – сборник, составленный святителем Димитрием Ростовским в 1684--1705 годы. Одно из самых популярных произведений русской церковной литературы.

– Вася, куда ты девался? – из притвора раздался голос матери. – Пора домой, сынок.

– Мама, мама! - помчался к ней мальчик. – Там... там на стене такой чудесный преподобный! Зовут Новоторжским Ефремом. Он поглядел на меня, словно знает, откуда мы, а я его родственник или крестник. Очень добрый. Только шапка у него странная.

– Все святые добрые, – мать явно торопилась. – Пошли скорее. Солнце уже припекает. Нам по самому жару ехать. На Ефреме твоём, чтоб знал, не шапка, а монашеский куколь с мантией и епитрахиль. Попроси отца, пускай он вас с братом в Торжок к его мощам свозит.

Спустя год в огромном соборе они с Никитой стояли у серебряной раки Ефрема и Аркадия Новоторжских. Но иконные лики монастырских святых показались Болеславлеву тогда суровыми, отрешёнными.

Из всех историй касательно Ефрема больше всего Василия Фёдоровича впечатляли эпизоды, связанные с отрубленной головой брата новоторжского игумена, отрока Георгия. (Вообще, когда речь заходила о фантастических чудесах, Болеславлев предпочитал деликатно замечать: «впечатляет». В досужее «верю не верю» не упирался. Протоиерей понимал разумность чудес Евангельских: от превращения воды в вино до воскрешения Лазаря, но, перечитывая истории необыкновенных происшествий в «житиях» некоторых святых, недоуменно пожимал плечами.) Желание Ефрема найти тело брата, растерзанного вместе с князем Борисом,

было понятно. Родной крови не годится в безвестной могиле стынуть. Ефрем знал, что когда Георгия казнили, то ради украшавшей шею золотой массивной цепи ему отсекали голову. Именно её преподобный и отыскал. Забрал с места убийства и отправился в земли русского северо-запада. Странствовал по Псковщине, Новгородчине, пока не добрёл до укрывшегося в излучине Тверцы Нового Торга. Бог знает, сколько лет в его заплечном мешке лежала голова казнённого родственника.

«Поскольку сам Ефрем служил конюшенным, считался ближним князьим другом, а по племени его помнят угрином, венгром, то бишь, – продолжал свою мысль Василий Фёдорович, – кому, как не ему, была знакома западная традиция почитания святых черепов? В Европе он, вероятно, рассматривал покоящиеся на блюдах резные изображения голов Иоанна Крестителя, мученицы Варвары. Стоял перед иконами святых Христофора и Дионисия Парижского. До него доходили слухи о голове растерзанного язычниками в Йорке святого короля Эдвина или о спрятанной на кельтском острове Линдисфарн голове святого Освальда. Более того, Ефрему могли рассказать и о великом шотландском святом седьмого столетия Марноке, чью голову, хранящуюся в городе Килмарноке, мыли каждое воскресенье, а целительную воду раздавали многочисленным больным. (Сам Болеславлев про эту реликвию узнал от купца Петра Алексеевича Третьякова, чей двоюродный дядя много лет назад

поселился в Глазго. Преподавал в местном университете экономику и право.)

При любом раскладе, – думал протоиерей, – монаху Ефрему была знакома благочестивая традиция хранения нетленных мощей, пустых гробов и черепов погибших праведников. Обитателю уединенного затвора все эти предметы напоминали про скоротечность жизни и неминуемость смерти».

В России новоторжского игумена почитали задолго до официальной канонизации. Народ ощущал святость божьих подвижников. Различал её многообразие, особенно в юродивых, бесребрениках и отшельниках. Святость великокняжеская на Руси почиталась как нечто неизбежное, сакральное, ниспосланное свыше.

А преподобные Ефрем, Нил со Столбного острова или Кирилл с Белого озера вырастали из глубин жизни и суровой земли. Они были понятными, своими. Ефрема любили в Торжке и в Великом Новгороде. Его обитель начиналась со строительства странноприимного дома. Считаю: убежища для неприкаянных скитальцев и вдовцов. В душевном смятении к нему шли все отчаявшиеся найти мирской правды и сострадания.

«Это только на византийском гербе у орла головы равновеликие, – размышлял Болеславлев. – В жизни первенствует всегда одна. Трудно было в ефремовы времена: повсюду шалили разбойники, но церковь свои палаты в лихой корчме строить не спешила. Может, именно поэтому Радищев в Торжке принялся рассуждать на темы цензуры и свободы печати? Дух там такой веял. А к местной аристократии новоторжское купечество, люди малочиновные и крестьяне всегда относились холодно, подозревая дворянство в изощрённом двуличии и антипатриотических настроениях. Впрочем, и сами купцы никакой власти, кроме как императорской, особо не благоволили. И то, если она была крепкой и победоносной».

Василий Фёдорович вздохнул, захрустел солёным сухариком. Коляска уже подъезжала к Мермеринам.

Глава 10. Фрол Овечкин

ладной торговой деревеньке Мермерины проживал пожилой приятель протоиерея, заштатный дьякон Фрол Овечкин. Маленький, сухонький отец Фрол слыл в торжокских краях мудрецом, энциклопедистом. Широта дьяконских познаний относительно богословия и древней истории казалась безграничной. Он помнил имена всех египетских фараонов, годы правления иудейских царей, судьбы ветхозаветных пророков, даты и места сражений войск – от Александра Македонского до Веллингтона. Названия рек, титулы богов и всяческие очаровательные легенды слетали с его языка звонким ручейком. Весной Фрол сеял морковь, репу, свёклу и без числа горох. Деревенские детки старика обожали. Фрол отличался щедростью и любовью к долгим разговорам. Чаше всего тараторил он сам. Вылавливал взрослых односельчан подле общинного

колодца и как бы между прочим снабжал своих слушателей прорвой самых неожиданных новостей и глубокомысленных поучений. Детвора ожидала дарового гороха, благо им всегда были набиты карманы старенького подрясника дьякона; парни и девицы смешливо фыркали, бабы задумчиво кивали, мужики пытались спорить, но только обескураженно качали головами: «С балаболом не совладать. Свят, поди, да не искусен». Овечкин слыл человеком беззлобным и рассеянным. На прихожан никогда не сердился. Терпел насмешки и негодовал только в случаях глупых, несправедливых обвинений. Некоторые взгляды Фрола смущали Болеславева. Старик утверждал, что душа человека имеет белый, чуть блистающий цвет. И когда наступает ей час покинуть умирающее тело, то она не просто выпархивает из разлагающейся плоти, но долго беседует и благодарит своё ветхое прибежище. Дьякону нравилось рассуждать о смысле бальзамирования августейших

особ и целительных свойствах пирамид.

В юные годы Фрол познакомился с Леонидом Николаевичем Львовым – сыном знаменитого тверского архитектора, механика, археолога и масона Николая Львова. Несмотря на сослов-

ное различие, молодые люди крепко дружили, и Леонид Львов щедро делился со сметливым Фролом идеями покойного отца. Приглашал в родовое имение Никольское-Черенчицы, брал с собой в Петербург поглазеть на глинобитный Гатчинский Приорат. Вместе они осматривали пирамиды Василёва и Райка. Если бы не скоропостижная кончина Леонида в 1847 году, из львовских изобретений диакону открылось бы гораздо больше, но и с приобретённым знанием Овечкин выстраивал каскад фантастических прожектов.

– Представляешь, – горячо убеждал отца Василия мермеринский старожил, – около пирамид Львова вызревал виноград! Это тебе не персики в теплицах Первятина*. Василию Фёдоровичу Раллю до настоящего виноделия поди как далеко. Секретной мудрости был наш архитектор Николай Александрович.

---

* Первятино – усадебный комплекс XVII-XX вв. в Зубцовском, сейчас Старицком, р-не Тверской области, принадлежащий дворянскому роду Раллей с первой половины XVIII века. (см. в кн.: Шитков А. Старицкие дворянские усадьбы начала XVII – начала XX века: История и судьбы: Энциклопедический справочник. Старица, 2022. Т. 2. С. 104).

Глава 11. Синодик в дороге

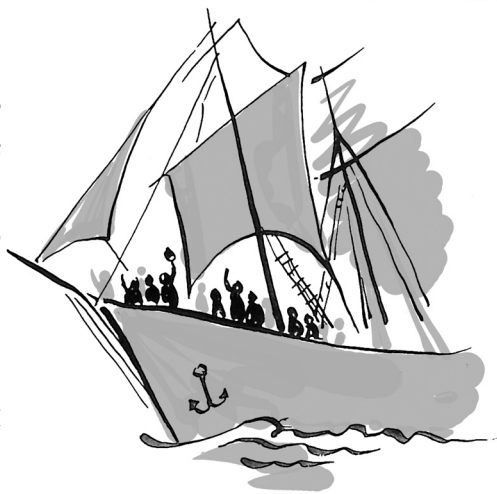
Ниже за Мермеринами, с уже зеленеющего ската холма, дорога решительно ныряла в долину, обрамлённую малыми, но ещё живыми болотцами. Тихие, блистающие на солнечных качелях заводи из-за крошева осевшего на их глубинах серого пористого льда дышали холодом. Робкие травы и весеннее первоцветье затягивали землистые разломы болотин, и Болеславлев явственно видел, как множество юрких потоков пробили извилистые пути меж подсыхающих прогалин. Иные ручьи ныряли за коряги, петляли, теснились между кочек, другие неслись звонкой широкой стремниной. На рыхлых бережках уже пестрели цветы золотистой калужницы, бледно-фиолетовой примулы и молочного гусятника. Василий Фёдорович знал: чем полноводней грянет весенний поток, тем скорее и обильнее вокруг него оживёт всё прежде примороженное и укромное.

Иногда протоиерей задумывался: «Если Пасха Христова сравнима с весной природы, то Воскрешение усопших будет одновременно бурным и постепенным. Как сразу воскреснут все мёртвые? И что значит это “сразу”? Природа – Творение Божие – и та оживает последовательно и не спеша.

Где-то Воскресение грянет, словно внезапный разлом скалы, прокатится грохотом камнепада, в другом месте зажурчит тайно пробившейся из-под земли криницей. А, к примеру, на лихославльском погосте мшистые могилы возьмут да и раскроются со скрипом надвое.

Каждый год записываю в свой синодик имена новопреставленных: дальних родственников, друзей, прихожан, христиан, знакомых лично или представленных кем-то. Закончилось Лето Господне, подвожу черту, выправляю дату свежего новолетия и гадаю: кто первым откроет скорбный скрипт. А если сам помру? Кому в нем выводить моё имя? Да и станут ли в суете похорон возиться с этой затеей?»

Читая за проскомидией синодик, вынимая частицы из подсохшей просфоры, отец Василий привык различать давно ушедшие годы. Правда, детали минувших дней, круговерть былых событий несколько потеряли стройную очерёдность. Они появлялись сверкающими, покидающими покров тумана парусниками. Год выплывал за годом. Корабль вслед корабля. На корме странных корветов стояли те, чьи имена он только что шептал у жертвенника. Пассажиры приветливо помахивали шляпами, прижимали к груди охапки цветов. Но туман стано-

вился непроницаемой, гуще. Пшеничная частица, символизирующая душу тётки Меланьи, падала на медную тарелицу, за ней следовала крошка в память о драгуне Петре, а далее священником уже вынимались большой хлебный ромбик «за раба Божия Николая Гоголя» и крупинка «об упокоении Фаддея Беллинсгаузена». Помянник был открыт на страничке «год 1852».

На узком поле страницы синодика, рядом с именем усопшего, за особо проведённой чертой иногда появлялись памятные ремарки. Выглядело это так – строчкой было прописано: «23-го сентября скончался мещанин Глеб Фомич Аристархов. 75 лет от роду». А за вертикальной линией карандаш отца Василия выводил: «Роскошный выдался листопад. У алтаря обнаружил выводок крепких рыжиков». Или: «30 апреля преставилась Екатерина Андреевна Шатрова, вдова полковника Иннокентия Шатрова». Заметка же на полях сообщала: «Отпевал на первом солнцепёке, а как понесли тело – от востока загромыхало грозой. Только успели похоронить, нагрянули град с холодным дождём». В другом месте синодик сообщал о «блаженном успении 5 августа 1858 года монахини Еннафы» и про то, что «ураган повалил старые липы на аллее Волинского кладбища».

Пометок такого свойства набралось немало. Каждый раз они помогали протоиерею восстановить не только расщепляющийся с годами образ умершего, но из мелких деталей припомненного дня воссоздать почти всю картину отпевания, погребения и даже поминок.

Случались, правда, заметки горькие, суровые: «8 ноября 1859-го помер Прокопий Лазарев. Крестьянин». В приписке значилось: «Бедолага сторел от вина и помутнения рассудка. Как-то его Господь примет?» Была даже такая: «5 марта 1860-го отпевал сгинувшего на войне Прохора Махова. 32 лет от роду». Пометка гласила: «Бедный Прошка! Три года как пропал без вести, надежды и толка. Теперь и ждать его некому. Крымская земля пухом солдату!»

Болеславлеву припоминались голоса, улыбки, детали причёсок, пальцы рук тех, за кого он молился. Гораздо сложнее получалось восстановить детали прежних бесед, предметы споров и, как ни странно, оттенки цвета глаз людей на тех палубах. Иначе все было с матерью и отцом.

В тягостные минуты сердечной маяты и тихой печали Болеславлев шептал не только молитвы любимым святым, но мысленно обращался к покойной матери. Верил, что она слышит и непременно поможет. Из тенет памяти образ Марии Леонидовны проступал с годами в мельчайших подробностях. Василий Фёдорович отчётливо слышал тембр материнского голоса, различал запахи прихваченного из печки яблочного пирога, свежести вымытых половиц летней веранды и чувствовал пряный аромат белой черёмухи. В его воспоминаниях мать приходила всегда светлой, радостной. Пытливо смотрела на сына. Терпеливо внимала его всхлипам, кивала на жалобы. Лишь в дни затянувшейся хвори отец Василий видел её седой, усталой. Тогда Мария Ле-

онидовна укоризненно качала головой в бежевом чепце и глубоко вздыхала.

Воспоминаний о родителе было меньше. Как правило, Фёдор Петрович являлся в памяти сына в одном подряснике, с деревянным наперсным крестом и босой. Его коренастая

фигура выходила из реки. Брела по мелководью, и прозрачные струйки убегавшей волны стирали отпечатки широких ступней. Мягко улыбаясь, отец добродушно молчал или лукаво подмигивал. Незадолго до кончины уже не поднимавшийся с постели Фёдор Петрович прошептал: «Васенька, душа у тебя романтического склада, но ты будь мудрее её. Ни у кого не ищи сочувствия, не жди понимания. Делай добро и бросай его в море. Отдавай сколько сможешь, а взамен получишь самое необходимое. У каждой птахи в саду найдётся своё облюбванное местечко. Когда же чужие птицы поднимут грай, улетай немедля. Нет в жизни большей обузы, как просыпаться в стае».

Посещая однажды Псково-Печерскую лавру, Болеслав-

лев решил рассказать о своих видениях прославленному местному старцу. В перештопанной рясе, согбенный, словно сломанный пополам подсолнух, щупленький архимандрит выслушал протоиерея, долго молчал, беззвучно пожевывая тонкими губами, и наконец спросил:

– А ты видел бабочку?

– Какую бабочку? – не понял тогда вопроса отец Василий.

– Да любую. Цветную, бледную, даже чёрную. Может, такая сидела на плече отца или трепыхалась в горнице материнского дома. Если приметил, то родительские души ещё страдают и молитву за них требуется усилить.

– А раз не видел, тогда о чём думать? – растерялся Василий Фёдорович.

– О живых размышляй. Сродники твои, стало быть, обрели вечность, а мы здесь только на головешках сидим.

– А то, что батя из воды босым выходит, не страшно? – уточнил протоиерей.

– Так раз улыбается, считай, ему не боязно, – отрезал архимандрит. – Да и мало ли что может привидеться или присниться. Поди лучше в наши пещеры к святым угодникам. Помолись там.

Прихватив тяжёлую маслянистую свечу, Болеславлев нырнул под своды древних подземных переходов и долго бродил извилистыми сумеречными тропками. Благоговейно кланялся вмурованным в бурые стены катакомб могилам, вчитывался в слабо различимые

имена преподобных подвижников. Едва не заблудился, и на свет Божий выбрался, когда колокола уже звонили к вечерне. Прежние видения исчезли почти на год.

Теперь дорога обогнула гребень густого елового колка и поднялась на пригорок, с которого уже виднелись медновские уголья.

Глава 12. Нелидова Софья Савватеевна

Широкими нарезками оттаявших огоро- дов, россыпью чернеющих изб и сараев село Медное сползло к широкой пой- ме по-весеннему ещё кипучей Твер- цы. Подле Знаменской церкви, в белёном двухэтажном доме, жила давняя приятельница Болеславлева – вдова статского советника Константина Петровича Нелидо- ва – Софья Савватеевна.

Четверть века назад на рождественских торжествах у тверского генерал-губернатора отец Василий был представлен чете Нелидовых как «археолог и автор исторических статей епархиального журнала».

– Обожаю архивные древности! – протянув тонкую ручку в белой перчатке, воскликнула Софья Савва- теевна. – Вы, батюшка, читали «Ивангое» или «Кентень Дюрвард» сэра Вальтера Скотта? Гени- альный шотландец!*

* Речь идёт о романах Вальте- ра Скотта «Айвенго» и «Квен- тин Дорвард», напечатанных в России в 1826--27 гг.).

– Покамест не привелось, – вежливо поклонившись, ответил Болеславлев. – По вашему мнению, изрядные романы?

– Изумительные! Правда ведь, Константино? – она легонько толкнула в бок молчаливого мужа.

– Вполне приличные опусы, – кивнул Нелидов. – Хотя, на мой вкус, перевод излишне витиеват. Сомневаюсь, что рыцарям и гвардейцам сэра Вальтера присущ столь высокий слог. Да и деталей английского свойства в чрезмерном избытке. Куда милее «Рене» смиренного Шатобриана.

– Сравнили, ваша светлость! – супруга статского советника не отступала. – У Скотта благородный штиль! И почём мы знаем, как выражались достойные люди? Сердечная бесстрашность рождает жаркие слова. Я лично предпочитаю его «Пирата». Вот уж неординарная эпопея! Есть ли роман по-русски? Вы, отче, не слышали?

О «Пирате» Болеславлев имел самое общее представление. Роман был уже переведён, и Дуся, успевавшая быть в курсе всех модных новинок, однажды пересказала отцу фабулу приключений главного героя – капитана Кливленда. Протоиерей настолько проникся суровой историей, что безо всяких колебаний включил покрытые вечными туманами Шетлендские острова в список «мест, где следует побывать прежде смерти». Даже не поленился и высчитал, за сколько суток корабль из Абердина доберётся в порт Леруик.

С Нелидовой они подружились.

Хозяйкой Софья Савватеевна слыла наипрекраснейшей. О её набожности и доброте складывали легенды. Для девочек из крестьянских барыня мечтала устроить особый приют. Обучать отроковиц в нём должны были грамоте, пению и полезному ремеслу. Рассказывали, будто хлопотать за прозябавших крестьянских детей Нелидова самолично ездила к вдовствующей матушке-императрице в Петербург. Долго добивалась аудиенции и наконец упросила Александру Фёдоровну о необходимой протекции. Имение у Софьи Савватеевны держалось крепкое, оборотистое, но средств к фантазируемому предприятию не доставало. Промаялась она с заветным прожектом порядочно. Из затеи ничего не вышло, потому как сперва началась крымская кампания, потом крестьянские волнения в Поволжье, «питейные бунты», милютинские реформы, грянул высочайший Манифест, отменивший крепостное право...

– Не время, матушка, не до праздных прожектов, – отмахивались от Нелидовой чиновники.

– Никуда ваши чада не денутся, – при очередной встрече сказал ей генерал-губернатор. – Нам Отечество спасти нужно. Новых деток Господь всегда успеет послать.

– А за малых мира сего кто пособолезнует? – живо возразила Нелидова.

– Станется, что из хладного камня Бог сотворит Авраамово чадо, – глубокомысленно заключал губернатор. – Вы со своим сердобольством только все планы путаете. Хлопочите за насущное. Провизия, обмунди-

рование, тёплые варежки – вот что в первую голову нужно.

Проехать Медное, не повидав Нелидову, отец Василий не мог. Пробираясь расплывающимися колеями, объезжая бурые промоины, он велел Форычу править до самого барского дома. Издалека приметил в палисаднике Софью Савватеевну.

– Как, матушка, самочувствие?! – ещё издалека крикнул Болеславлев. Затем легко соскочил на утоптаный перед свежевыкрашенной калиткой земляной пятачок.

– Твоими, отец, молитвами, – Нелидова прислонила к забору лопату, подошла и подслеповатыми глазами пристально рассматривала гостей. – Далеко светлыми

днями снарядились?

– В Торжок и обратно, – ответил священник.

– Нынче все пути ветрены, дождливы и неприятны, – заметила барыня. – В Торжке ярмарка не проснулась. Праздный народ от скуки зевает. Может, чайку с куличом перекусите? Тебя туда в комиссию не иначе сам архиерей отправил?

– Какой там! – рассмеялся Василий Фёдорович.

вич. – Владыка из кареты почти не выходит. Экипажи ему едва поспевают менять. По всем приходам суета. Пасхальные приёмы, угощения, славословия. Преосвященнейшему не до простого попа. А за чай с куличами спасибо, но спешить нужно.

– Торопишься? Так ты тому и рад, – Софья Савватеевна улыбалась. – Шильонский узник* выпорхнул из Твери. Свобода поглазеть на мир Божий в наше время – большая удача. Как не поспешишь, коль все про тебя забыли?

– Скажете тоже, матушка! – протоиерей смутился. – Мне и дома покладно. Вот вышла оказия заглянуть в Климентский приход. Смирился и в путь.

Действительно, на ярмарочном яру и в консисторской суতোлке Болеславеу становилось тоскливо. Мельтешение и шумные перепалки торга, назойливые оклики и хлопанье дверей церковной канцелярии – всё одинаково смущало и раздражало священника. Он хотел домой. И лишь когда парчовая тишина майских сумерек проникала под надёжный кров, приступы одиночества отступали. Отец Василий прислушивался к лёгким шорохам сквозняка, запутавшегося в лабиринтах чердачного переплёта, скрипам половиц и мелкой дробью пролетавших неподалёку колясок.

В такие часы он чувствовал связь с вешним, обновлённым миром. Священник усаживался в глубокое кресло, закрывал глаза... и широкая равнина оттаяв-

---

* Шильонский узник: намёк на поэму Дж. Байрона «Шильонский узник», 1816 г.

шей Волги, робко зеленеющие аллеи Путевого дворца, алтарь во Владимирской церкви, замки на далёких морских островах, россыпи звёзд над белой пустыней выстраивались в живую картину. С годами он обрёл навык сосредоточенного молчания и не сомневался, что у каждого чело-

века есть личная глубина и своя нота тишины.

– Развейся, раз случай такой выпал, – Софья Савватеевна вздохнула. – Я давно никуда уже не выхожу. Разве на Пасху – встречать солнышко, и к могилкам погоста. В нынешнем году солнце почти не играло. Три-четыре блика всполохнули, а после все замела серая морось. Приметы говорят, что если какая радость случится, то быть ей нечаянной и краткой. Свет Божий ещё простоят, но жить на нём только горше.

Глава 13.

Дуняша

От какая штука, – рассуждал Болеславлев, – если бы выгорело у Софьи Савватеевны дело с приютом, то вся статья Дуняшу из Москвы перевести сюда, на хороший кошт. Надо с чего-то начинать. Склад её натуры соответствующий: пророческий и целеустремлённый. Дочери может понравиться преподавать. Английский язык, математику или мировую историю, к примеру. Отчего не попробовать? Опять же, открытых учителей детки любят куда больше замкнутых зануд. По своей семинарской пашне знаю. Чем обильнее на первые побеги опрокинуть ковш солнца, тем тучнее урожай жатвы. Весёлое сердце ребёнок чует за версту. Его не проведёшь. У Дуняши оно именно такое. Сама ещё, правда, дитя. Разве что «на выданье».

Василий Фёдорович досадливо поморщился. Вспомнил, как на минувшее Благовещение дочь приезжала в Тверь. Встретил её на вокзале. Успели перед всеобщей покаялкой. Дуняша непрерывно пересказывала московские новости, рассуждала о политических и военных коллизиях, называла имена литераторов, протоиерею неведомые, а в церковном притворе, крепко сжав руку отца, прошептала: «Папенька, завтра к ли-

тургии прибудет мой хороший знакомый Аристарх Германович Ланге. Пригласим его на обед? Или к самовару?» – «Жених небось? – попытался отшутиться Болеславлев. – Зови, коли хочешь. Из каких будет? Немец? Впрочем, не важно. Раз к службе привычен, то слава Богу».

Юркнув боковой дверью в алтарь, протоиерей тогда почувствовал, как часто застучало в груди, а лоб покрылся лёгкой испариной. Осенил себя

крестным знаменем, опустил на одно колено перед жертвенником, прошептал: «Господи, устрой так, чтоб из этой затеи ничего дурного не вышло. Надо же – Аристарх Германович! Посмотрим, какая птица с таким отчеством прилетит сюда».

Ланге оказался студентом Московского университета. Учился на врача и собирался практиковать в Германии. Среднего роста, подтянутый, короткостриженный голубоглазый шатен, Аристарх Германович долго сидел за обеденным столом. Удачно шутил, внимательно слушал настоятельских гостей, бросал на Дуняшу влюблённые взгляды. Но та будто бы не замечала. Хлопотала по кухне, разливала чай, угощала певчих с причетниками пирогами и пастилой.

– Вы, Аристарх, простите за любопытство, что нынче читаете? – осторожно поинтересовался отец Василий. – Российских литераторов или кого из зарубежных авторов?

– Самых разных, – Ланге внимательно смотрел на священника. – На полке у меня «Казачьи» графа Толстого, «Юрий Милославский» Загоскина, Лажечников, прошлогодняя подшивка «Отечественных записок» и три романа господина Дюма. Только времени на чтение в обрез. Много, знаете ли, по кафедрам занятий и практика в анатомическом театре.

– Да-да, – кивал Василий Фёдорович. – Хорошему доктору книжки крайне необходимы. Душа с хорошей повестью или романом натурально отдыхает. Они в своём роде – противоядие от сердечной тоски. Я без новых поэм даже грустить начинаю.

– Так вроде стихов нынче вдоволь, – пожимал плечами Ланге. – В каждом альманахе по десятку страниц. Вирши, романсы, басни. Сонеты на любой вкус. Дочь ваша, Евдокия Васильевна, чудесно промеж них разбирается. Из стансов Евгения Баратынского даже декламации устраивает. Как столько рифм голова держит? Поражаюсь.

– С детства привыкла к поэзии, – вздыхал Болеславлев. –

Сперва покойная матушка над колыбелью ей пела малороссийские песни. Потом мы с Дуняшей учились грамоте. Баллады Василия Андреевича Жуковского, сказки Пушкина, переводы из Байрона и «Оссиан» Макферсона – были нашими букварями. Для чуткого сердца книжная мудрость – лучшее лекарство.

С той самой памятной встречи начались у Василия Фёдоровича лёгкие покалывания в левом плече. Поначалу едва приметные, они досаждали своей внезапностью и сквозными прострелами, отдававшими ниже, к предплечью. Иногда начинали неметь пальцы руки, тяжелела голова, комок немоты сжимал горло. Стоило протоиерею понервничать, разволноваться или обидчиво с кем-то заспорить, как прихватывало сердце и ломило под самой лопаткой. К доктору отец Василий не пошёл. Решил пить больше тёплой воды с гречишным мёдом, заваривать на ночь таволгу с мятой, прислушиваться к недобрым ощущениям и делать простую гимнастику. Разминая больную ключицу, попеременно приседая и наклоняясь, он разогревался; сердечная зябкость отступала, горловой спазм исчезал, распрямлялась спина, поднимались плечи.

«Потихоньку старею, – признавался себе Василий Фёдорович. – Что ж делать? Буду подражать ветхозаветному Моисею. Увижу свою неопалимую купину да и сойду с дороги. Прошое не вернуть, а спешить за грёзами будущего – пустая затея. В сиянии купины куда надёжней. День за днём. Впереди – вечность».

Глава 14.

Паника

азваниям тверских сёл и деревень Болеславлев порой умилялся, бывало недоумевал, в редких случаях искренне изумлялся.

Они с Форычем уже миновали поворот на усадьбу Раёк, промахнули мимо взобравшейся на пригорок деревеньки Колёсные Горки, и, когда выскочили за околицу села Думаново, протоиерей шутливо заметил: «Слишком быстро проскакали. Ничего в Думанове не придумалось».

До Торжка оставалось около восьми вёрст. Тракт приметно расширялся. Рваные, слегка подсушенные ветром дорожные канавы зеленели молодью осоки и хитросплетениями ежеголовника. Лошадка шла бойко, коляску едва покачивало.

– Впереди деревня Паника. Но никакой паники! – вбивая ударение на первом слоге, воскликнул Василий Фёдорович.

– Мне што? – Петухов расплылся в улыбке. – Видал я селения, прозванные куда кучерявей. Помню, хаживал во ржевских угодьях. Так забредало меня и к Дурнево, и за Свистуны. Однажды проснулся неподалёку от Светлого озера в сельце Ночлегово. Глушь невероятная. Но то Псковские земли. А местные новоторы

паникуют поди как со времён монгольских набегов или от похода на Торжок князя Михайлы. Житьё простолюдина, что прежде, что нынче – сплошная тревога да минувшее несчастье.

– Нет, брат, – Болеславлев высунулся из коляски, – Пани́кой, а вернее, Пони́кой сельцо вслед за речушкой окрестили давно. Когда ломаются шумные вёсны или грянет дождливый октябрь, этот приток Тверцы бурлит и гоношится. А как засуха – поток уходит под землю, сникает, и к большой реке пробиваются только малые ручейки. Бегут они глубоко под камнями, нарезают тайные протоки и растворяются в тверецких струях. Слышал выражение: как в воду поникший?

– Знамо, слышал, – Форыч недоверчиво покосился на спутника, – так-то про тайных утопленников говорят.

– Каких таких «тайных»? – удивился отец Василий.

– Ну тех, что верёвку сами себе намылить не могут, а в омут или стремнину уже собрались. Душа у челове-

ка погибла, но с телом ему расстаться невмочь. Маят-ные люди. Поникшие, как твоя подземная речка.

Болеславлев промолчал. Думал, но не про утоплен-ников и висельников. Мысли протоиерея опять верну-лись к Николаю Александровичу Львову.

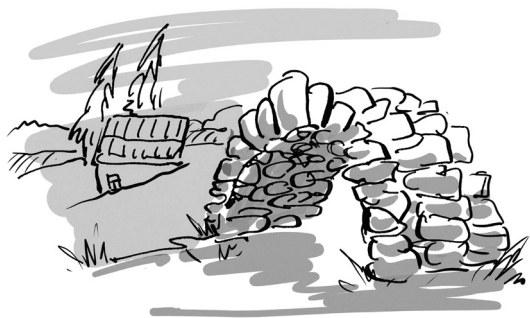
«Диакон Фрол упоминал построенные Львовым ка-менные мосты. Первый, в 140 аршин, из огромных валу-нов, сухой кладки – стоит над каскадом прудов в имении родственников архитектора где-то за Торжком*. Дру-гой – по дороге на Берново, в селе Грузины. Но и здесь, у Паники, где проходит императорский тракт, тоже его мосты. Через один, быть может, переедем. Какая свет-лая голова этот Львов! Художник, строитель, поэтиче-ская натура. Сооружение в Панике нынче разглядывать недосуг, а вот пирамиду на родине Фрола в Николь-ском-Черенчицах я бы изучил. Блаженный Августин считал любопытство грехом, но невеликим, а здесь сугу-бо познавательный интерес. Эстетический.

Поговаривают, будто конусом она нацелена в небо. Если день выдаётся ясным, то солнце освещает все иде-альные плоскости сооружения, а из самого зенита бьёт по очереди в четыре малых по периметру устроенных окошечка.

Внутри, под сумрачными сводами, переходы и тай-ные галереи. Узкий лаз ведёт к леднику, который мест-ные крестьяне ранней весной набивают глыбами напи-ленного льда. Подъём винтовой лестницы от бокового

---

* Где-то за Торжком - территория современного архитектурно-этнографи-ческого музея «Василёво».

лаза открывает доступ в просторную комнату с дубовыми полками и креслами для гостей. В куполе пирамиды устроена сфера, а в ней особое отверстие для подсветки помещений.

На самом верху придуманы вентиляционные шахты, так что вино и барская провизия никогда не портятся. Хорошо в таком убежище переживать июльское марево и августовскую истому».

По правую руку от поворота на Медное замаячила крошечная деревенька. Пять серых скосбоченных изб, едва приметный колодезный сруб, на заглохшем огороде рошица молодого ольшаника, чертополошные заросли в зияющих проёмах покорёженного сарая, покрытое саваном тины чернильное пятно пруда, кривые, почти не различимые нитки прежних дорог и тропинок. Глушь. Даже птиц не слышно.

«Далеко ещё до Нового Торга, – вздохнул отец Василий. – А ведь и здесь когда-то теплился огонёк. Никого не осталось. Господь творит время для жизни. Смерть опрокидывает время вспять. Бытие распадается».

Действительно, Болеславлев, когда его дальние знакомые умирали, чувствовал, как неумолимо переворачивается мир. Казалось, осилив долгую дорогу между корабельных стволов величественного соснового леса, он ступает на осклизлую тропку болотистого подле-

ска. Впереди прозрачная пустошь, островки березняка и густой туман на дальних холмах. Новые приятельства, товарищеские посиделки на приходских праздниках, встречи в городских собраниях – ничто не могло воссоздать прежней картины.

Часы утраты близких друзей Василий Фёдорович переживал ещё тяжелее. Ему чудилось, будто из тщательно вытканного гобелена привычной жизни изымаются фрагменты любимых узоров, а на пустующее место, незримой рукой, наложена неровная заплатка.

«Эта деревушка залатала чьи-то давнишние истории, – священник проводил взглядом исчезающие за поворотом руины. – Куда всё сгнуло? Войны последних лет всё по дальним, стремненным рубежам, но и в среднероссийском углу подчас немота и безвременье. Народ торопится отстроить новый кров. Было бы кому и куда уходить...»

– Форыч! Поддай ходу! – крикнул вознице отец Василий.

– Добре скачем, ваше преподобие, – отозвался Анисий, – шибче никак нельзя. Нам с вами почтовых не пожалуют. За Медным тракт куда сноровистой ляжет. Поспеем.

Глава 15. Иоасаф Новоторжец

Болеславлев любил Торжок. Называл шутя «калач-город». Разрежь такой поперёк румяной корочки и получишь уютного покроя городок, поделённый стремительным потоком всегда прохладной Тверцы. В тени зелёных палисадников дремлют белоколонные особнячки, бревенчатые ладные избы, храмы изысканной архитектуры, играет ярмарка.

Норовя сообщить о своей особой исторической судьбе, жители города называли себя «новоторами» и любили рассуждать о давних годах, когда Торжок входил в новгородскую вольницу.

Василий Фёдорович давно отметил, что тверитяне о свободе говорят неохотно, с оглядкой и двусмысленным покашливанием. Новоторы казались ему народом более живым, смелым. Может быть, ярмарка, которая приумножала скорость жизни, с её многочисленными пришлыми гостями и посетителями сыграла свою роль?

«Вот и Радищев в главе “Торжок”, – протоиерей припомнил “Путешествие из Петербурга в Москву”, – рассуждает про особую новоторжскую тягу к свободе...»

Разных людей выпестовал этот край: святых, воинов, разбойников.

Среди видных граждан «города-калача» находился патриарх Московский и всея Руси Иоасаф II, именуемый Новоторжец. Гуляла молва, что он не только родился в Торжке, но там же принял монашеский постриг и даже архимандритствовал в Борисоглебской обители. В любом случае этот прославленный окончательной победой над староверческой церковью патриарх всегда своему монастырю покровительствовал.

Пёстро и вычурно одевалось до Новоторжца русское духовенство. Иоасаф установил поповским платьям единый покров, распорядился водрузить на лохматые головы клириков греческие скуфейки и запретил бла-

гочестивым христианам посещать свадебные гульбища – «аще там скоморохи горланят».

«Любопытно, – продолжал рассуждать Болеславлев, – из Старицы на патриарший престол тверская земля поставила первого российского патриарха Иова. А из Торжка, для церкви уже императорской, преподнесла патриарха нового уклада. Его предшественник Никон – фигура переходная. На Большом Московском соборе 1667 года председательствовал Иоасаф II Новоторжец, и знаменитая «Увещательная грамота» стала камнем, о который преткнулись сотни тысяч староверов. Ревнителю древнего чина бежали в уральские скиты, на Дон и к Белому морю. При нём геройствовали иноки Соловецкого бунта. Старец был человеком сердцем смиренный и власти подневольный. И хотя сам с детских вёсен воспитывался в вере старого толка, идти против первопрестольного рожна не стал. Раскольников не жаловал».

Глава 16. Недуги

же подъезжая к Торжку, Василий Фёдорович почувствовал голодный рокот в желудке и какую-то обволакивающую всё тело усталость. Он вжался в тёмный угол коляски, зажмурил глаза.

Приступы гнетущего одиночества и странной тоски стали накатывать на Болеславлева после мартовской лихорадки. Тогда, на второй седмице Великого поста, отец Василий занедужил воспалением лёгких и провалился до самой Крестопоклонной. В доме вышел весь запас чистых сорочек. Прихожане приносили ему лимоны, белый хлеб, воду от святого Савватия, из Москвы примчалась Дуняша; принялась готовить отцу всяческие травяные сборы. Он лежал в наглухо затворённой ставнями комнате на узком диванчике и наблюдал, как подле Казанского образа Богородицы, поверх лампадного огонька, зыблется тёмно-алое пятно. То ли утро никак не наступало, а может, тянулся бесконечный вечер – понять не удавалось. Болезнь поместила его сознание в новую реальность. Болеславлеву казалось, что он переехал. Не в другую губернию, город или дом, но переселился в иной, промежуточный, между привычным земным и таинственным небесным, средний мир. Даже лай соседской собаки казался больному странным всхлипы-

ванием и злым повизгиванием. Дуняша ставила отцу Василию медовые компрессы, поила клюквенным морсом и заставляла дышать над распаренной ромашкой.

– До чего не люблю хворать, – ворчал Болеславлев. – В голове колокол гудит, ладони потеют. Кась эдакая! Понятное дело, любая болячка – знак смерти. Но радости тут с ржавый грошик.

– Святые говорят, что Господь посылает немощи для смирения и укрепления в вере, – успокаивала отца дочь. – Потерпи, скоро всё пройдёт.

– Да вот и нет, – упрямылся протоиерей. – Так только со святыми бывает. Простой человек свои недуги часто превращает в повод для жалоб. Требует сострадания, перестаёт бороться, боится встретить себя, обновлённого болезнью.

Когда умирали старые друзья, Болеславлев чувствовал, как истончается его привычное бытие. Никакие новые приятельства и знакомства не могли залатать зияющие дыры горьких потерь. В часы утраты родных и людей особенно близких ему казалось, что из самых глубин души навсегда выламываются целые фрагменты прежнего мира. Василий Фёдорович считал, что у каждого человека есть своя глубина понимания таинства смерти. С годами он приобрёл навык безмолвной молитвы за усопших.

Глава 17.

Мост

Как думаешь, – отец Василий тревожно присматривался к шпильям колоколен, – мост уже положили или придётся лодочками сплавляться? Иначе на тот конец города не попасть.

– Вы про зыбь плавучую? – Форыч нахмурился. – Кто их разберёт. Если по уму, то мостить самое время. А как с нашей споростью и губернским приглядом выйдет – то Бог знает. Тверца – речка капризная. Вешний паводок сошёл, только ей нипочём. Взборониться может. Притащит стылую льдину с верховьев, та как шибанёт по мосточкам! Только щепочки вдрызг.

– Откуда таким айсбергам взяться? – задумчиво обронил Болеславлев.

– Да хоть с Худякова или Прутни, – деловито ответил Петухов. – Там, правда, порожки, так льдина тихонько по самой кромочке обойдёт и – аккурат в посад.

С раннего мая до первых ноябрьских заморозков новоторжские берега сцепляла плашкоутная переправа. По её крепко сбитому настилу катили телеги, ползли купеческие подводы, спешил служивый и крестьянский люд. Ночами для судёнышек, спускавшихся вниз к Волге, переправу исправно раздвигали. В не-

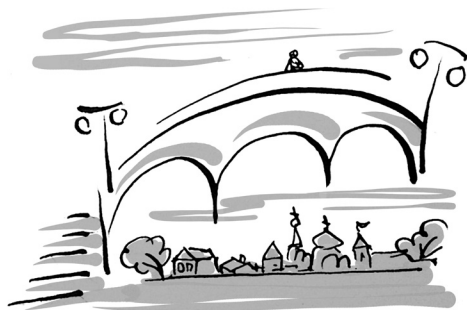
дели полой воды между берегов запускали притороченный к особому канату паром. Ветренными днями путешественников на такой затее лихо раскачивало, щедро окатывало ледяными брызгами, но иных способов добраться до правого конца у смельчаков просто не оставалось. Летом по обеим сторонам Тверцы чалилось множество лодочек, пёстро раскрашенных яликов и посудин сходного рода. Торжокские мужики промышляли нехитрым извозом.

– Давно пора бы мост соорудить, – мечтательно вздохнул Василий Фёдорович, – хотя в самой Твери всё по старинке пешешествуем.

– Да-а, канитель, – согласился Петухов. – Но Волгу нам не оседлать. Это в столице... ух, какие мосты! Я, бывало, по одному шёл, так чуть шею не свернул. В прорву реки засмотрелся, голова закружилась, еле картуз подхватил.

– Всё верно... – пробормотал отец Василий. – Как у Пушкина: *«В гранит оделася Нева; / Мосты повисли над водами; / Тёмно-зелеными садами / Её покрылись острова...»** У нас мосты – ещё диковинка. Разливы

в стране большие. Луговины широкие. Стоишь на крутояре, а берега противоположного не видеть. Думаешь: какова там жизнь бежит?... Сплошные фантазии.

* А. С. Пушкин «Медный всадник»

В далёком детстве Болеславлев научился одной забаве. Перед самым Сретеньем приключилось Васе захворать. Рано утром отец вместе с Никитой уходили по приходским делам, а они с матерью коротали февральский день. Мария Леонидовна хлопотала по дому. У мальчика болели уши, саднило горло. Он терпеливо пил горькие отвары, кутался в старый отцовский полушубок и маялся от скуки. Мать и посоветовала: «почитать, смастерить потешную небывальщину или построить мост до самого лета».

– Это каким же манером? – насупясь, спросил мальчик. – Мост, да ещё и в лето?

– Проще простого, – мать усадила сына у окна. – Смотри, что ты видишь перед собой?

– Ну сад в сугробах, тропинку, пробитую до калитки, – нехотя отвечал отрок, – ёлку на той стороне улицы. Скукотня сплошная.

– Да-да, согласна, ничего особенного, – Мария Леонидовна присела рядом, обняла Васю. – Теперь представь, будто разогрелось солнышко, примчался тёплый ветер, сошёл снег и всё начинает цвести. Вы с братом хватаете удочки, бежите через палисадник на большак, потом к Волге, а когда уже спустились к самому берегу, наступило настоящее лето. Вокруг всё зелено, и рыба плещется по отмели.

– Чего там ей делать?! – мальчик оживился, сбросил полушубок. – Как ты не понимаешь? На отмелях только всякая мелочь гуляет. Хорошая рыбина стоит в омуте, караулит недомерок, а лишь потом хватает добычу.

– Конечно, – мать терпеливо укутала сына. – Тебе лучше знать, кто за кем гоняется. Но попробуй разглядеть сейчас то, что не видно за сугробами и покуда таится.

Вася закрыл глаза. Для надёжности прикрыл веки ладошками и в трепетном сумраке воображения обнаружил высокий с лёгкими воздушными пролётами мост. Одним концом конструкция упиралась в крыльцо их старого дома. По сверкающей крутизне моста на самый верх взбирались широкие ступеньки. Он быстро поднялся по ним и увидел себя уже над Соборной площадью, различил звонницу Екатерининского монастыря, купола Отроча, дальние леса вокруг Савватьевой пустыни. Куда опускалась вторая половина чудесного моста, было неясно. Солнечный свет бил сквозь золотистую дымку, и перистые облака затягивали дальнюю перспективу.

Мальчик развёл ладони, открыл глаза.

– Мама! – крикнул он. – Я гулял над городом. Как же всё складно устроено. Только дальше ступать боязно. Но где-то там уже точно лето.

– Вот и славно, – Мария Леонидовна тихо улыбалась. – Поспи, дорогой. Скоро зиме конец.

Глава 18.

Торжок

Архитектурное многообразие Торжка восхищало даже самого искушенного путешественника. Умельцы в любом нагромождении разглядеть гармонию и скрытый порядок находили в «городе-калаче» «затейливость стиля».

В отличие от Твери храмы Нового Торга, словно грибы урожайной опушки, как бы наплывали друг на друга, а не выстраивались ровной чередой, не расходились по лучам мощёных улиц. Главная высота городского пейзажа была прочно занята Борисоглебским монастырём, а соборы, церкви и часовни, спускаясь всё ниже к рукаву Тверцы и затем поднимаясь по правому берегу, выростали в причудливом разнообразии – одна поверх предыдущей.

Любители «народного колорита» рассуждали о даровитости и фантазии местных зодчих.

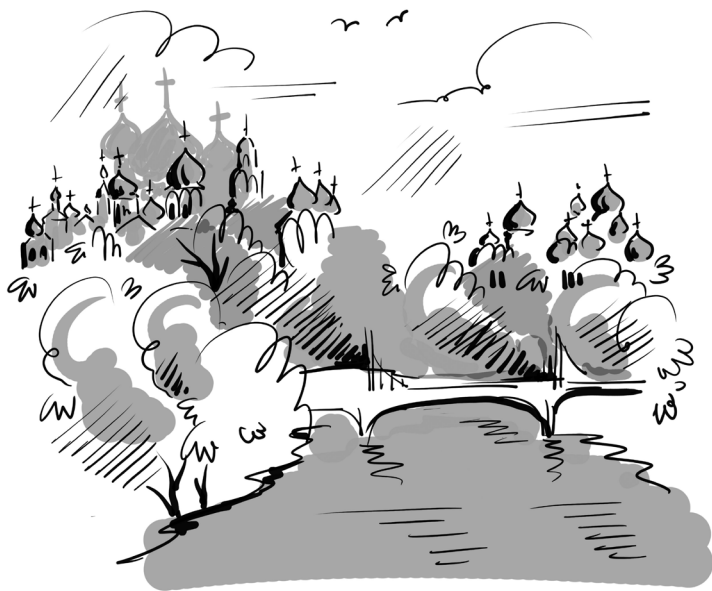
«Богоспасаемый град, уютное место» – сходились во мнениях паломники и путешествующие мещане. «Оборотистый городок, щедрый посад» – благочестиво осеняли себя крестными знаменами удачливые купцы и расторопные лабазники.

Даже кочующие по трактирным заведениям любители закусить пожарской котлетой клюквенную или

рябиновую настойку не скупилась на одобрительные похвастывания и пространные комментарии в адрес городских достопримечательностей. Особенно церковных.

«Наверное, только Суздаль сможет состязаться с Торжком, – думал Василий Фёдорович. – Но Суздаль богаче, родовитей».

Приятельский круг в Новом Торге у Болеславлёва не сложился. По епархиальным делам он имел знакомство с архимандритом Захарией, наместником монастыря, лично знал трёх городских священников, директора духовного училища на Успенской улице и купца Парфенчикова.

Глава 19. Парфенчиков

Прокл Андреевич Парфенчиков имел в Торжке кожевенную мастерскую, лабаз скобяных изделий и один вполне пристойный питейный дом. На первой и на Страстной седмицах Великого поста трактир обвешивался амбарными замками. Со всем своим многочисленным семейством Парфенчиков шествовал в Борисоглебский к Ефрему. Иногда, с печальными богомольцами, отправлялся аж до Ниловой Пустыни. На Рождество городским нищим купец ставил три ведра пива, корзину вяленого мяса, две головы сыра и три короба ржаного хлеба. Парфенчиков обладал яркой чертой русского характера: тягой к неудержимому фантазёрству и строительству великих планов. Чего бы ни касался обсуждаемый вопрос: мира в отечестве, войны вдоль её границ, религии, хлыстовства, добычи золота, продажи леса, романов графа Толстого, холеры или банковских займов, повсюду Прокл Андреевич влезал с ворохом самых неожиданных советов. Ничего напоминавшего логичность и последовательность в его предложениях не обнаруживалось. Представления о международном праве, нравственных законах предпринимательства или эстетических принципах российской словесности у Парфенчикова

отсутствовали начисто. Он верил в целесообразность любого военного мероприятия. Считал, что художественным может быть только патриотическое произведение; в каждой, даже сомнительной, сделке мечтал о сказочных прибылях и не гнушался распространять самые отчаянные нелепицы.

«Мне грезится, – любил повторять купец, – на стогах Царьграда своя торговая лавка со сотысячным оборотом, абрикосовый сад подле домика с мезонином и на рейде за Феодосией личный кораблик».

Хотя дальше Петербурга Парфенчиков не выезжал, его неукротимое прожектёрство рисовало карту Европы, подлежащую решительному переустройству.

– Русский человек, – разгорячившись в трактире за обильной трапезой, вещал надсадно Прокл Андреевич, – призван разбить в мелкую щепу антихристово войско. Для окончательной победы ему всенепременно потребуются возвести гранитные редуты у Дарданелл,

окопаться подле Иерусалима и вернуть Париж.

– А Париж-то к чему? – недоумевали осоловевшие слушатели.

– К тому, – сердито отвечал Парфенчиков, – раз император Александр взял город Наполеона, то и возвращать не следовало. Было ваше – стало наше. По-

мяните моё слово: грянет день, и там, где расквартировался русский полк, вырастет олива всеобщего благоденствия. Соберутся посланники народов и воспоют осанну светлейшим витязям!»

– Может, чего и грянет, – мужики задумчиво чесали затылки, – прикажите ещё штофчик ржаного винца, а то на сердце слишком волнительно».

Приносили два штофа. Распечатывали паюсную ачувскую икру, доставали солёные грузди, разливали гороховый кисель. Купеческий монолог переходил в драматическую декламацию.

Болеславлев сочувствовал Парфенчикову. Спорить смысла не видел. Считал: коль дальше околицы такое мечтательство носа не высовывает, то и цена ему копеечная. Хотя от безумных идей душа неминуемо тускнеет и чахнет, но разве что Господь попустил быть таковым. На добросердечие фантазии не влияют. Хуже, если человек озлоблен и чёрств. А Парфенчиков слыл благотворителем.

И действительно, немало купеческих вкладов было сделано в Климентскую церковь. Особенно Прокл Андреевич гордился подставкой для Евангелия. Приспо-

собление из морёного дуба смастерили местные столяра. Покрото оно было лаком, украшено золотом, расшитой парчой и тяжёлыми серебряными кистями. На крестный ход Святой Пасхи и всю Светлую седмицу водружённое на переносной подиум Евангелие торжественно обносили вокруг храма. С пением «Воскресение Христово видевши» процессия застывала в церковном притворе. И пока подставка с Писанием высилась в широком проеме дверей на крепких плечах четырёх благочестивых мужиков, под переносным подиумом норовили пролезть суетливые бабы, шустрая детвора, и даже скрюченные многими летами старухи семенили одна за другой.

Глава 20. Евангелие

ро это Евангелие Василий Фёдорович услышал в день своей диаконской хиротонии. Дело было на Успение, в Спасо-Преображенском соборе Твери. Епископ Гавриил возложил тогда на голову будущего отца Василия парчовый, золотом вышитый омофор и долго шептал пространные наставления, среди которых неожиданно мелькнула фраза: «Береги, диакон, здоровье так, чтобы на Малый Вход мог самолично вынести климентское Евангелие».

За праздничной трапезой, после литургии, Болеславлев пытался выпытать у соборного протодиакона, на что намекал ему владыка Гавриил. Усмехаясь в широкогорлую кружку кваса, грузный протодиакон добродушно пробормотал: «Увидишь, братец, сей чудный торжокский фолиант и будет тебе кастильский ключ под небом Тавриды. Сам разберёшься».

С того застолья минуло лет пять, и однажды, исследуя консисторские описи губернских храмов, отец Василий вычитал, что на жертвеннике нижнего

придела церкви под стеклянным футляром покоится Евангелие в честь папы римского Климента, 1759 года печати. Опись сообщала про массивный оклад серебряной чеканки, добротную бумагу и полуторапудовый вес фолианта.

«Надо же! – в тот день изумился священник. – Каких только изысков не сочиняли наши мастеровые при матушке Елизавете. Под чьи раменá* ваяли такие святыни? Какой там кастильский ключ? Истинный камень Иакова!..**»

«Но Павский пишет про фолиант дониконовских времён, и рисунок ему нужен с фронтисписа именно той книги...» – насупясь, рассуждал отец Василий. Задача представлялась ему все более заковыристой.

Анисий остановил коляску в тридцати шагах от храма, под шатром нежной зелени высоких лип.

– Жди меня здесь, – покидая экипаж, сказал Болеславлев. – Надеюсь, настоятель на приходе. Покалякаем с ним по-свойски, а потом к Ефрему, после в ярмарку; перекусим да и восвояси, пока не стемнело.

– Что уж будет, – борясь с зевотой, ответил Петухов. – Денёк нынче покладный. Куда я денусь? Ступайте с Богом.

Широкая, плотно уложенная мелкой щебёнкой дорожка привела Василия Фёдоровича к мощёной площади перед высокими воротами, распахнутыми в приходской дворик. Пока шёл, дважды останавливался.

---

* Раменá – trad.-поэт., устар. Плечи.

** Истинный камень Иакова» (См. Бытие 31, 45)

Разглядывал ажурную колоннаду верхнего яруса колокольни, арочные своды, с завитками лепнины побеленные колонны, подпиравшие классический портик на западной стене храма; вдыхал ароматы цветущих палисадников.

«Диковинная всё-таки церковь, – думал протоиерей, – даже для Торжка, изюминка среди ягодок. Михаил Ярославич её не спалил. В хлопотные времена, при патриархе Иоакиме, надстроили летний храм, не так давно расписали стены, поставили новенький иконостас. Даже вызолотили. А святых здесь сколько! В позолоченном ковчежце восемнадцать частиц от различных благодатных мощей, чудотворная икона Знамение, напрестольные кресты с финифтью и камнями, образ Вседержителя под серебряным окладом, дивная плащаница. Да мало ли чего ещё ценного и душеспасительного соберётся за пять столетий в неприметном городке. До Рима человеку простому не добраться, а к римскому Клименту – всегда пожалуйста».

Храм был открыт.

Ещё в годы отрочества, посещая с отцом и братом престольные торжества тверских

храмов, праздничные летние службы на сельских приходах, среди множества запахов, отличавших деревенские церквушки от городских соборов, Болеславлев обнаружил массу обонятельных различий.

Кирпичные или тёсаного круглого бревна провинциальные храмы имели нечто общее. В их притворах пахло: воском, опилками, лежалой травой, кислым тестом и жжёной смолой. В церквях уездных, а тем паче губернских, палитра запахов усложнялась. К привычному набору прилагались ароматы дорогого ладана, свежей краски и струганых досок. Белокаменные соборы монастырей хранили сложный букет греческих благовоний, калёного песка и густого дёгтя, которым монахи мазали свои высокие сапоги.

Здесь, в притворе Климентской церкви, стоял терпкий печной дух. С ноября по май верхний храм затворяли, служили в жарко натопленном нижнем. Лестницу, ведущую на колокольню, скрывали массивные двери, а окна, заботливо промазанные глиной, берегли притвор от ветра и сквозняков. Внутри, над самым входом, висела закопченная иконка «Вратарницы» и три прихваченных зелёной лентой пучка вербы.

Отец Василий осмотрелся.

«Перед Пасхой скоблили пол, - предположил он, - стало быть, к Троице покрасят. Или на Вознесение. Помнится, за клиросом должен быть чтимый образ “Знамения”. Нужно кого-нибудь кликнуть».

– Молитвами святых отец, Господи, Иисусе Христе, помилуй нас! – громко пробасил Василий Фёдорович.

– Аминь! – раздался откуда-то сверху сиплый голос. – Кого принесло?

Загремели тяжёлые шаги, и перед Болеславлевым возник мужчина лет пятидесяти. Высокий, со стриженной седой бородой, тщательно расчесанным пробором, он пристально оглядел незнакомца. Плисовые портки мужика были заправлены в стоптанные башмаки, напяленная поверх серой рубахи душегрейка едва сходилась под сизым выпирающим кадыком.

– Христос Воскресе! – бодро воскликнул протоиерей. – Я к вам из Твери. По незначительному дельцу. Настоятель здесь или в отлучке?

– Воистину Воскресе Христос, – мужик почесал за ухом, недоверчиво хмыкнул. – Гляди, какие важные гости! Что, прям из самой губернии? Далеко, ваше преподобие, забрались. А настоятеля нет. Домовничает или отсыпается. Молитвенная страда закончилась, вот и они почивать изволят. А я Никодим Первоцветов, тутошний сторож. Ещё улицу мету и паникадило теплю. Дело-то у вас солидное? Ревизия или спросить чего?

– Будет тебе, любезный, – священник снял скуфейку, спрятал в карман. – Моё имя протоиерей Василий Болеславлев. Настоятельствую во Владимирской церкви, сочиняю для епархиального журнала, преподаю

в тверской семинарии. К ревизиям и докладам отношения не имею. Мне бы, братец, одним глазком на ваше приходское Евангелие глянуть. Покажешь, где в алтаре Писание лежит?

– Писание? – сторож задумчиво разглядывал гостя. – Где следует, туда и положили. Я дальше притвора редко хожу. Разве что к солее, за хоругвью. Но если то крестный ход собирают. Случится торжество, вручат мне знамя Богородицы, храм с пением обойдём, молебствие совершим, и хоругвь обратно ставлю. В алтарь никогда не звали.

– Это ничего, обычное дело, – понимающе кивал отец Василий. – Ваш духовник, наверное, строгих порядков держится? За иконостас пускает только посвящённых.

– А по-другому никак, – Первоцветов важно насупился. – Без благословения правильной жизни вообще нет. Если Бог чего хочет, то на задумку даёт благословение или от прежнего переблагословляет. Затем и священники придуманы. По своей воле народ всё попутает, прадедовское добро растеряет да начнёт египетские котлы вычищать. Промысел Божий всегда поперёк человеческой дури. Это ворона каркает как ей вздумается, а нашему брату нужно подсказать, сострять дельную весточку, направить в нужную сторону. Сколько по России развелось путаников и мшелоимцев! Пруд пруди. Иноземщина разная шастает. Вы вот, вижу, священник маститый, но благословения на вас не имею, так что или ждите, или в другой раз пожалуйте.

– Постой, любезный. Давай разберёмся.

Немного ошарашенный мужицкой тирадой, Болеславлев опять водрузил скуфейку на голову. Под лопаткой противно кольнуло.

– Ты говоришь, что если нет благословения, делать ничего не положено?

– Совершенно точно, – лицо Никодима окаменело в странной улыбке. – Даже пытаться не стоит. Без благословения любое дело не благорассмотрительно.

– А если мы его получим? – осторожно спросил священник. – Отправим их преподобию Серафиму Петровичу устное прошение, и всё разрешится? Позову своего кучера. Он мигом обернётся и вопрос закрыт.

– Это вряд ли, – сторож покачал головой, – не станет отец Серафим с чужаком калякать. Но если вам из самой Твери сюда прискакать приспичило, то, так и быть, пошлю за благословением своего Петьку. Чего хлопец зря под лестницей дрыхнет. Только вы письмецо настоятелю черканите. Чтоб всё чинно и по канонам.

– Петруха, пойди сюда! – крикнул сторож.

Хлопнула неприметная дверь, и откуда-то из бокового придела появился тощий белобрысый мальчуган.

– Чё, батя, случилось? – хмурясь и часто моргая, спросил отрок.

– Задание тебе приспело! – пробасил мужик. – Важное и весьма срочное. Отнесёшь отцу Серафиму особую записку и с ответом по всей форме обратно.

– Пишите, ваше преподобие, документ, соответствующий случаю.

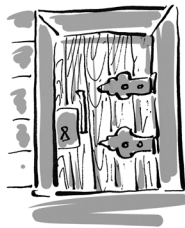

В походной тетрадке Болеславлев коротко изложил суть своей необычной просьбы, аккуратно выдрал листок с посланием, сложил вчетверо и протянул депешу парнишке.

Настоятель жил где-то поблизости. Спустя десять минут сторож с Василием Фёдоровичем услышали за окном звонкий голос: «Батя, чё хошь можно срисовывать! Отец Серафим изволили через матушку благословить. Сами не вышли. Сказали: пускай богомазят, только свечей не палят – светло нынче.

Я домой махну. Лопать охота!»

– Давай, сбегай! – Первоцветов довольно улыбался. – Ну вот. Теперь порядок. Прости меня, Господи, ближнего своего! Благословили и ладно. Милости просим в нашу святыню. Диаконская створка там без засова. Рисуйте на здоровье, а я пока покемарю. Будете уходить – хлопните дверью в притворе. Погромче...

Глава 21. Рисунок

одняв Евангелие с престола, Болеславлев бережно перенёс фолиант к широкому, залитому солнцем подоконнику. Копировать фронтиспис на святом месте он посчитал занятием неблагочестивым, да и неудобно было. С трудом освободив тугие серебряные застёжки, перевернув массивную крышку, Василий Фёдорович открыл титульный лист и ахнул.

«Кась эдакая! Ну, Герасим Петрович, задал ты мне закавыку, – мысленно обращаясь к Павскому, проворчал отец Василий. – Из всех российских живописцев нашёл самого криворукого. Буквицы я худо-бедно срисую. Но вот лики ангелов, фигуры людей, силуэты птиц, животных, опахала, якорь, крест, облака, узоры, завитушки... и так, чтобы доподлинно весь орнамент воспроизвести... Помилосердствуй, друг мой! Это Дуняшу в Торжок брать нужно было. У неё глаз острый, рука лёгкая. Мне даже в очках и половину толком не разобрать. Знал бы, мелкоспопом обзавёлся».

Фронтиспис действительно был необычный. Гравюра представляла собой живописное сочетание христианских символов, присущих иконописным школам

Востока, стилистические изыски Библии Пискатора*, мелкую вязь немецких увражей (копии последних Болеславлев недавно рассматривал в Ризоположенском монастыре Суздаля) и какой-то внутренний сентиментальный настрой неизвестного автора.

«Закавыкой» Василию Фёдоровичу казалась уже сама композиция рисунка. В центре картины иллюстратор изобразил остров, к берегу которого, в виде плавучего дома, пристал корабль. На палубе громоздкого судна возвышался ковчег Завета пророка Моисея. Над бурнчиками воды, омывавшими клочок суши, колыхались ветви прибрежных пальм. Из куста, произраставшего поодаль бухты, на зрителя выглядывала лохматая львиная голова, а за мелколесьем высилась увенчанная крестом четырёхугольная башня.

Над островком в нитях солнечных лучей парил символ Святого Духа – голубь. Под птицей, распластавшей чрезмерно широкие крылья, красовалась церковнославянская надпись: «Евангелие Господа Нашего Иисуса Христа». Буквы были тщательно

---

* Иллюстрированное Св. Писание, многократно издававшееся в Амстердаме в XVII веке.

прорисованы, каждую оплетала тонкая гирлянда тропических цветов и лиан. Среди волн, заполнявших пространство до нижнего обреза страницы, плескалось множество больших рыб и мелких рыбёшек. Из мрачных литографических глубин на это веселье зловеще поглядывал клыкастый зверь.

«Левиафанчик щерится, – прокомментировал Болеславлев. – Добычу ищет. Оригинальное решение. Рыбки – народ Божий. Враг – океанский зверь, апокалиптическое чудовище».

Слева, в нижнем углу страницы, белела античная колонна и прислонённый к её подножию якорь. В верхнем левом углу художник изобразил троицу ангелов, восседавших на кучерявом облаке, свитый из лилий венок и бутон розы.

Верхний правый угол занимала композиция: петух с пеликаном. Петух, вытянувшись стрункой, стоял в профиль. Пеликан располагался анфасом. У пеликаньего брюха лежало гнездо, напоминавшее корзинку. Отец Василий прищурился и различил головы приютившихся в корзине птенцов. Птица кормила их частичками плоти, вырываемой из собственной груди.

Правый угол внизу занимало Распятие со Христом и тремя крохотными фигурками предстоящих.

«Так-то всё понятно, – прошептал священник. – Корабль – символ церкви, пеликан – причастие Святых Тайн. Якорь – знак спасения. Ангелы в облаке – силы небесные. Петух – Воскресение Христово. Роза, лилии – знаки Богородицы. Лев – один из евангелистов. Но чьё воображение всё так это ловко перемешало?»

Некоторое время Василий Фёдорович пристально разглядывал корешок книжного разворота; то одним, то другим боком подставлял тяжелый фолиант майскому свету. Ему стало казаться, будто фронтиспис не сшит со всеми остальными страницами, а чьей-то умелой рукой вставлен, вклеен под массивную крышу Евангелия. Всё более утверждаясь в своих догадках, священник принялся не спеша перелистывать Писание. К его удивлению, других картинок там не было вовсе. Даже заглавные буквы, предварявшие новые главы, оказались лишёнными любого намёка на декор и украшение.

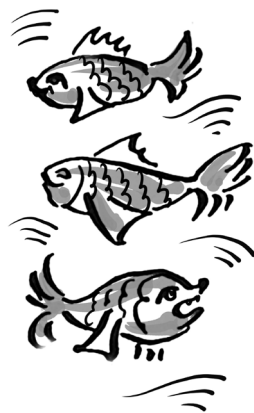
«Благословен Господь Бог Израилев, творяй чудеса един!»* – сказал себе священник и начал терпеливо копировать изображение.

Работа заняла час с четвертью. Кряхтя, неловко поворачиваясь, утирая рукавом рясы потеющий лоб, он картинку перерисовал. Вздохнул, задумчиво покачал головой и, явно не доверяя полученному результату, решил на полях копии оставить разъяснительные пометки.

---

* Псалом 71, 18

«Греческая колонна и корабельный якорь» – тонким карандашом подписывалась стрелочка, указывавшая на один фрагмент. «Птицы: петух и пеликан с птенцами» – сообщала другая. «Океан, полный рыб и гадов морских» – именовалась третья... Еще минут двадцать пролетело.

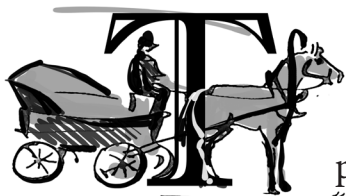

«Иже на всякое время и всякий час, и делу конец, аминь, – засобирался отец Василий. – Пора возвращаться, ехать дальше. За покупками уже не успеем, так хоть к преподобному Ефрему в монастырь заглянем».

Болеславлев спрятал рисунок в карман рясы, водрузил Писание на престол, бережно прикрыл алтарную створку и вышел из Климентской церкви. Хлопать в притворе дверью, как просил Первоцветов, не стал. Подумал: «Дремлет мужик, и ладно. Сном многие хвори проходят. А чем ещё здесь лечиться? Травами, мёдом и забытьём».

Глава 22. В монастыре

рогай, Анисий, – священник забрался в коляску и ловко пристроился рядом с дремавшим Петуховым. – Скачи в монастырь, к Ефрему. На ярмарку уже не поспеть. Другим разом заглянем.

– Двигаай, шалопуня! – Форыч вздёрнул вожжи.

Разморённая майским теплом лошадка тряхнула гривой и неторопливо потащила коляску в горку. Копыта её мерно отстукивали пёстрые булыжники; над головами путешественников сновали вороны; вниз, к реке, пикировали стрижи, в палисадниках чирикали мелкие птахи. Набегал и срывался ветерок. По тверецкой ряби прыгали яркие блики, тени придорожных лип удлинялись.

Монастырь окружала высокая белёная стена. Парадные ворота венчала ажурная арка. Всякий раз посещая обитель, Болеславлев проезжал или проходил под её горбатым сводом и ловил себя на странном чувстве.

Вот и теперь ему показалось, что он видит себя со стороны. Мимолётным, боковым взглядом цепляет собственную фигуру. Солнечные лучи уверенно били во вздыбленное перекрытие арки, но на секунду священник оказывался под тенью свода. Время замирало,

а из памяти отчётливо выплывала детская картинка.

Пушистыми зимними днями они с братом тогда лепили особые ледяные хатки. Катали огромные колобки липкого снега, деревянными лопатками нарезали

прямоугольные блоки, вырывали траншеи, ставили стены. Забраться в крошечный домик снаружи можно было через узкий туннель, опустившись на четвереньки.

Потолок самодельного лаза братья тщательно оплавливали пламенем восковой свечи.

Труднее всего было раздобыть живой огонёк. Спички в Твери слыли редкостью. Приходилось бежать домой, незаметно от взрослых выхватывать из кухонной печи пылающий уголь и нестись обратно. Там, в снежном укрытии, драгоценные искры раздувались, загорался крючок фитилька, свеча вспыхивала, и дрожащий язычок подносился к полукружью свода. Снег подтаивал, глянец на стенах матово стекленел, и вот уже была готова серебристая арка. Пробираясь под мерцающей сферой тайного убежища, Васе чудилось, что он совершает переход между двумя мирами. Скучная жизнь оставалась на улицах заиндевевшей Твери, а в укромной глубине ледяной хатки время и события разворачиваются по особым законам.

Хотя ничего необычного не происходило. Сидели они с Никитой, плотно подпирая друг дружку, молча-

ли, задумчиво сопели, перебрасывались редкими фразами, но когда возвращались, то обоим казалось, словно пролетела целая неделя, а не три четверти часа.

«Опять всё повторяется, – поёжился священник. – Считают - будто не почувствовать мига жизни, не уловить секунды. Но бывает совсем наоборот. Порой время вполне себе осязаемо. Даже оторопь берёт».

– А что, ваше преподобие, – Форыч повернулся к Болеславлеву. – Вправду говорят, будто матушка Екатерина Алексеевна сюда крайний камень самолично доставила? Или брешут? Какой дали, тот и положила?

– Наверняка не скажешь, – Василий Фёдорович рассеянно озирался. – Доподлинно известно, что собор строили по чертежам Николая Львова. На чин закладки императрица приезжала точно, а какой трофей в церковное основание водрузили, не знаю. Думаешь, это важно?

– Само собой, – уверенно закивал Петухов. – Для человека Бог всегда достойные камни выбирает. Стал бы Иаков на случайном булыжнике спать? Или Иисус Навин? Не простую же каменюку под дуб припрятал. Про апостола Петра, которого Христос нарёк каменным основанием Церкви, я вообще помалкиваю.

– Кто тебя Писанию учил? – отец Василий вперился в лохматую шапку возницы. – Сам читал?

– Куда там сам? – не оборачиваясь загоготал Форыч. – Не-е... Нам такие училища не осилить. Было дело, из Твери до самой Костромы вёз молодого барина. Так он без умолку всю дорогу меня, дурня, божествен-

ному наставлял. Это вы всё больше стихами шпарите. Хотя слушать тоже приятно.

«Трогательное дело, – подумал протоиерей. – Слава Богу, полно у нас ещё говорливых проповедников. По молодости, если что сокровенное откроешь, то непременно тянет с кем-нибудь поделиться. В лёгкие годы что за проповеди мне удавались! После взрослеешь, бережёшь силы, навыки. Память – самый капризный спутник. Такого только беречь и опекать. Прежде за мыслью еле попевал, а теперь слова подбираю. Говорю, словно булыжники ворочаю. Сам себя, как долгое эхо, еле слышу. Воистину: “прильпе язык к гортани моему”».*

Петухов остановился около изрядно разбитой коновязи.

– Подожди меня здесь, – Болеславлев вылез из коляски, – я скоро. Приложусь к мощам. После в трапезную заглянем и домой. Только бы никого не встретить. Нет разговоров – не будет пересудов. Много любопытных. Так и смотрят: кто да зачем? На каких лошадаках? Тверёзый или под хмельком? Праздный глаз во всём лукавство ищет.

– Не бойсь, отец Василий, – подмигнул священнику Петухов, – не под дождём – авось подождём.

В соборе было свежо. Наверху, в барабане купола, звонко хлопала фрамуга.

«К Пасхе окна мыли. Не смогли закрыть, – рассудил Болеславлев, – за зиму косяк разбух или рама скособочилась. Точно как в моей Владимирской».

---

* Псалтырь 21, 16.

Около белокаменного помоста с мощами святых Ефрема и Аркадия возвышался огромный кованый подсвечник. Над мраморной плитой преподобных горела негасимая лампада. Из алтаря вышел монах. В правой руке он держал посох, под мышкой левой руки виднелся продолговатый ящичек, затылок инока венчал клобук внушительных размеров.

«Вот тебе и ante faciem populi*, – оторопел Василий Фёдорович, – никого видеть не чаял, а встретил самого важного. Архимандрит Захарий собственной персоной...»

Борисоглебский архимандрит, высокий широкоскулый с тщательно собранной в тугую кичку копной седых волос, любил порассуждать на тему «всеобщей смертности» и делал это не только на долгих, заунывных проповедях, но и за братской трапезой, в паломнической гостинице и даже под летней крышей ярмарочного трактира. В начале продолжительных монологов отец Захарий обводил лица подневольных слушателей зорким, пристальным взглядом. Затем, прижимая к широкой груди огромные багровые руки и словно сдерживая рвавшийся из гортани крик, возглашал:

– Дорогие мои! Неужели, как ветхие иудеи, мы забудем свой

– Дорогие мои! Неужели, как ветхие иудеи, мы забудем свой

* «У всех на виду» - пер. с лат.

сияющий Сион, и по слепотному неразумию прельстимся мясными котлами? Не нам ли богобоязненный Павел говорил, что «пища для чрева, а чрево для пищи, но Бог уничтожит и то и другое»^{*}? Всему мирскому суждено сгнуться во прахе, стать неприглядным тленом. Что ж, так и будем, пока смерть не прогнусавит в уши, держаться за скоромные половники? Или одумаемся? Отцы наши ели кислый виноград, а у нас не только оскомина на зубах, но колики и желудочная резь. Пора остановиться. Укротить дух алчного насыщения и начать промышлять добродетельной жизнью, покуда навеки не сгнули.

– Пора, – кивали прихожане.

– Кое-кому давно уж пришло, – кашляли в бороды монахи.

– Эх его преподобие раздирает, – перемигивались трактирные завсегдатаи.

Но очарованный в такие минуты собственным рыком, ответов архимандрит не различал.

Вдобавок к талантам упомянутым, отец Захарий имел удивительную способность вмешиваться во все события, происходившие вокруг него. Ни одна гружёная или даже пустая телега не могла миновать новоторжскую обитель без его придирчивого пригляда. Он рассыпался в пространных замечаниях, огорошивал неожиданными советами, морочил наставлениями.

Перечить ему боялись, спорить считали делом бессмысленным. Даже матёрые и хитрые купцы терпе-

---

* 1-е Коринф. 6, 13.

ливо выслушивали витиеватые громыхания Захария. Они знали, что, завершив богословские реляции, священник перейдёт к тщательной торговле и конфузному попрошайничеству.

– На рынок изволите? – любопытствовал он у бортника Ткачёва. – Медок липовый, свежайшего сбора?

– Именно так, – отвечал Ткачёв, – нынче накачали. Духмяный. Чистое золото.

– И в какую копе-е-чку будет? – сладко поджав губы, затягивал архимандрит.

– Смотря сколько прикупите, – осторожно отвечал мужик. – Если пуд, то извольте три рубля, а коли больше и ещё пергу прихватите, уступлю дешевле.

– Перга мне ни к чему, – деловито вынимая из кармана подрясника хлебную корку, говорил Захарий. – Ты, брат, нацеди сюда свой медок. Посмотрим, не балован ли он сиропчиком?

Бортник нехотя зачерпывал янтарный сбор и терпеливо поливал ржаной сухарик архимандрита. Облизываясь, весело подмигивая, Захарий отправлял лакомство в широкую распадину рта, после чего, причмокнув, басил: «Недурно, братец, недурно. Слышу только медовую горчинку, и зубы чуток вязнут. Давай приму по рублю за два пуда, а в славу Божью, так и быть, возьму твою пергу.

– Чистый грабёж, ваше высокопреподобие, – пыхтел Ткачёв. – Антихристовы цены. В Новгороде таких не слышали, а там мёд на вес золота.

– Антихристовы!?! – вскипал Захарий. – Да я тебя, еретик, анафеме предам или возьму и заживо отпою. Будешь знать, как скорблять духовное лицо! Трогай отсюда, пока цел!

Мужик поспешно исчезал, а борисоглебский наместник высматривал новую жертву.

– Откуда тебя, братец, принесло? – насмешливо приветствовал Болеславлева архимандрит. – В Твери баранки кончились? Или консистория новый оброк сочинила?

– Христос Воскресе, ваше высокопреподобие! Со светлой Пасхой! – вежливо поклонился Болеславлев. – Дельце здесь нынче образовалось. Уж обратно возвращался, да решил заглянуть к преподобным.

– Похвально, раз заглянул, – Захария спустился с солеи и, переложив посох в левую руку, правую десницу протянул отцу Василию. – Воистину Воскресе! А я, видишь, ковчежец с новейшими святыньками приобрёл. Почти даром достался.

Наместник водрузил ларец на пустой аналой, гордо вскинул голову, торжественно перекрестился.

– Великие угодники к нам пожаловали! – лицо архимандрита приняло торжественно-отстранённый вид. – Князя-страстотерпцы: Борис, Глеб и мученик Василиск Команский. Три частицы в серебряных окладах. С драгоценными камушками. Народ так и валит. Осо-

бенно к Василиску. Он, прошёл слух, врачует от хворей душевных. А у нас, брат, половина Торжка немощна. Кто падучей болезнью, кто натурально бесами обуян. Соборовать не успеваем. На святых мощах маслице святым и за жертвования раздаём. Разбирают бойко и уж опосля, дома, сами мажутся. Исцелений не перечесть.

– Издалека мощевик? – деликатно уточнил Болеславлев.

– С Волыни или Галичины, – архимандрит задумчиво свёл брови, – точно не припомню, но аккурат из тех краёв. Там святыnek своих да и греческих в изрядном изобилии. Ими особый человек промышляет. Цены приемлемые. Можно на сибирскую пушнину выменять или ассигнациями плати. Мне, правда, в город потреб-

но. Срочным образом. Ты, если хочешь, побудь тут, а я послушника пришлю. С мощами теперь ставим бдительное око. Не ровен час, озорные проделки нагрянут. Народ у нас хоть и болезный, но ушлый. Глаз да глаз требуется. Ну, бывай.

Василий Фёдорович понимающе кивнул. Затем в некотором сомнении обошёл ковчежец. Лбом

легонько коснулся полированной крышки и отправился к раке новоторжских угодников.

Сень над мощами преподобных была украшена пасхальной гирляндой. Ступеньки подиума хранили узкую тропинку, пробитую сотней тысяч ног неведомых богомольцев. В вазах у саркофага стояли цветы, висел вмонтированный в стену ящик для пожертвований. Плиту над мощами устилала тканная золотом плащаница. Пахло свежей зеленью, липовой смолой и сладкими благовониями.

«Ну здравствуйте, отцы воинства небесного, – священник покрестился на лики святых. – Я тут проездом. Решил навестить вас. Как там у вас? – Болеславлев поднял глаза к звёздочкам синего купола. – Что мои родители, дед, прабабки, супруга? Здесь новостей много, но всё больше бестолковые или тревожные. Если изредка наблюдаете, то пересказывать не стану. А коли заняты, то нет смысла и беспокоить. Знаю – смутными днями ваши молитвы придут на помощь. Прошу только о Дуняше. Пусть будет что суждено, лишь бы с ней ничего дурного не случилось. Замолвите словечко».

Болеславлев ещё постоял, что-то пробормотал себе в усы, положил земной поклон, встал, отряхнул подол рясы и покинул собор.

Глава 23. Странники

ёплый ветерок разметал пыль на просторном дворе. За высаженными по кругу кустами шиповника и жимолости чернели гряды обширного огорода. Чуть далее высились горка монастырского ледника и каменные мастерские.

Василию Фёдоровичу хотелось пить.

– Форыч, – позвал Болеславлев возницу, – айда заглянем в трапезную.

– Святое дело, – Петухов ловко спрыгнул с козел. – Не дорога ешка – дорога потешка. Посмотрим, чем здешние монахи угощают.

Перед входом в братскую трапезную в стоптанных сапогах, серых портках и цветных рубахах, подпоясанных кожаными ремнями, расположились три мужика. Две дорожные палки и кривой костыль лежали на кучке их заплечных мешков.

Примостившись на деревянных чурбачках, мужики жевали хлеб и что-то потягивали из оловянных кружек.

– Христос Воскресе! Ангела за трапезой! – приветствовал незнакомец отец Василий. – Паломничаете или местные трудники?

– Воистину Воскресе! – ответил за всех здоровенный крестьянин лет сорока. – Странники мы. Угощаемся благословенной снедью.

Он решительно опрокинул в рот горсть хлебных крошек.

– Святися, святися, пироги спяклися! На тебе возсия кувшин киселя!* – нараспев произнёс второй – щуплый седовласый старик со шрамом на лбу. –

Гостимся, твоё преподобие, чем Бог послал, с Ефремом переслал.

– Обед у нас нонче, – с набитым ртом сказал третий.

Он выглядел подтянутым юношей, только выцветшие глаза из-под белёсых ресниц смотрели на священника устало и тревожно.

– Издалека будете? – деловито спросил подоспевший Петухов.

– Со Смоленска. От чудотворной иконы, – важно произнёс здоровяк. – Четыре дня болотами шли. Чуть не потопли. Царица Небесная вывела. Да и поп у нас в селе хороший, из верующих. Молебен напутствен-

---

* Фольклорная интерпретация песнопений Пасхального канона: «Светися, светися новый Иерусалиме: Слава бо Господня на тебе возсия».

ный отслужил. Так что вовремя на большак выкарабкались. Дошли, теперь денёк здесь поживём, и в Калязин – к чудотворному Макарию.

– Паломники, стало быть? – Форыч уважительно разглядывал путников.

– Они самые, – юнец с печальными глазами привстал и поклонился. – Богомольствуем помаленьку.

– С пользой или время девать некуда? – добродушно уточнил Петухов. – На кого землю с домами оставили? Самая пора сеять, скотину из овинов гонять, а вас, шалопунных, на болота тянет.

– Мы нынче вольные! – насупился первый. – Сами решаем как жить. Покуда пешешествуем, то вроде дома, а в обители заночуем, так и не вспомним, где те избы остались. Благодать Божия всю память отшибает. Особенно у большой воды. Смотришь на волжские разливы, и за море уплыть хочется.

– А жёны с детками? – удивился Болеславлев. – Их что, тоже из головы выдуло?

– Как можно, твоё преподобие? – теперь старик поднял костыль и, подволакивая ногу, двинулся на протоиерея. – Харчей, зерна, прошлогодних солений, медной монеты – всего припасено. Потихоньку и без кормильцев выкружат. Не приведи Бог, нужда случится – соседи помогут. Войны мы не боимся. У нас в погребках такие щели, а в лесах такие пустыньки, что любого Наполеона пересидим. А пока волю обратно не забрали, надо хоть по России пошататься. И так всю жизнь кровь на дёготь переводят. Дальше околицы ничего не видали.

– На Белое озеро сбежать успеем, – задумчиво протянул молодой. – Там свободы поболее будет. Скитов и укромных схронов в достатке. Лови рыбу, бей зверя. Нет до тебя никакого дела.

– Кому приспичит найти, отыщут, – усмехнулся Форыч. – Не бывало такого в России, чтоб человек по своей воле набело растворился. Все, как соболиные хвосты к охотничьему седлу, намертво приторочены.

– За всех только Господь знает, – старик не мигая вперился в Анисия. – Решили сгинуть – исчезнем. Соберёмся вернуться – ангелы тропку покажут.

– Знак подадут? – уточнил Василий Федорович.

– Точно. Особый знак! – широко улыбался здоровяк. – На небе он полыхнёт, а на земле громом шанда-рахнет.

– Ясно, – отец Василий потянул за собой Форыча. – Мы пойдём. Нам ещё домой добираться. Помогите вам Пресвятая Дева. Не заплутайте среди тверских болотин.

– Благословите на дорожку, – юноша наклонил голову, сложил ладони лодочкой.

Неожиданно знакомым и особенно беззащитным показался Болеславлеву этот паломник.

– Как тебя звать? – спросил священник.

– Крещён Трофимом. В честь святого апостола*, – строго ответил парень.

– Ну раз крестили в честь Павлового спутника, то доброго вам нынче пути, – Василий Фёдорович начертил

---

* Трофим, апостол от семидесяти. Ученик и спутник св. апостола Павла.

в воздухе, над паломниками, большой крест. – Только против рожна не лезьте. Павла здесь нет.

– Знамо дело, побережёмся. Научены, – хмыкнул здоровяк. – А с нами, будьте уверены, Сам Искупитель, Пречистая и Михаил Архангел.

Посередине трапезной, между редутом широких столов и струганых лавок, на тумбе, напоминавшей обломок античной колонны, стояло алое, в два аршина, яйцо.

Форыч боязливо подошёл, перекрестился, принюхался и костяшками пальцев обстукал муляж.

– Деревянное, – убеждённо заключил он, – недавно покрасили. Надо же было такую святыню сварганить! Смотрите, отче, какие затейники: дощечку к дощечке подогнали, тонко зашкурили и баканом облили. Красота! У нас в соборе для поклонения только иконы выставляют, а тут цельные пасхальные мебели.

– Да-а, убедительный символизм, – Болеславлев озадаченно пожал плечами. – Таким яйцом даже с императором не похристосоваться.

– Зато с самых небес видно, как в Торжке Пасху правят! – развеселился Петухов. – Ангелы

ликуют, бесы трепещут. Кабы телег десять таких яиц собрать, так весь здешний посад натурально объелся бы.

– Оно же шутейное, – заметил протоиерей, – кого ты бутафорией кормить станешь?

– Наш народ и вприглядку разговляться умеет, – не унимался возница. – Если посулить золотые горы и заоблачные караваи, то мы, на радостях, и хлебную корочку за сытный кулич примем.

– Ну не знаю, – пытливо озирался Василий Фёдорович, – сомнительное дело. Давай, Анисий, настоящей закуски поищем. Странно, однако: в такой час и ни единой души.

– Отсыпается братия, – Петухов решительно двинул к кухонным шкафам. – Если для паломников что и осталось, то только здесь припасено.

На полках они раздобыли несколько пирогов с гречневой кашей, миску запечённых яиц, горшок гороховой похлёбки да пару сушёных рыбок. В глиняном кувшине плескался жидкий квас, а из шкафа пахло скисшим молоком. Перекусили, убрали плоски, стряхнули скатёрку и отправились в коляску. Странников на дворе уже не было.

Глава 24.

Финал

В первой развилке Торжок внезапно исчез. Растворился как лежалый снег на робком припёке. Коляска путешественников плавно покачивалась. Форыч кряхтел и громко сморкался. В талых ложбинах и холодных оврагах, провожавших московский тракт, клубились весенние сумерки. К изумлению Болеславлева, эта майская ночь изливалась не с неба, а мерно истачивалась из-под чёрных кочей зябкой земли. Он наблюдал, как упруго горбилось коромысло небесного свода и едва мерцающие звёздочки уже бросали первую россыпь в его сиреневый окоём.

Затем священник щурился на дальние огни сельца Спасского*, дважды оборачивался к силуэту наминавшего руины замка тёмного ельника, потом пристально высматривал покосившийся верстовой столб и, наконец успокоившись, вполголоса тихонько запел: «Свѣте Тихий святыя Славы, Безсмѣртнаго Отца Небѣснаго, Святаго Блаженнаго, Иисусе Христѣ: пришедше на запад солнца, видевше свет вечерний,

---

* Село Спасское – прежнее название села Спасс Торжокского р-на Тверской области.

поём Отца, Сына, и Святого Духа, Бога. Достойн еси во вся вре-е-мена́ темже мир т-я-я сла-а-вит»*.

– Эх! Хорошо-то как! – неожиданно гаркнул Форыч. – Запад солнца! До чего люблю эту штуковину.

– Которую? – удивлённо спросил Василий Фёдорович.

– Ту, что про «запад солнца»...

Петухов стянул с головы шапку, степенно перекрестился. Лицо его осветилось безотчётным блаженством, глаза смеялись, и застенчивая улыбка пряталась в густых усах.

– И что, собственно, в этой, как ты говоришь, «штуке?» – недоумевал отец Василий.

– В ней всё! – отрезал Форыч. – Самое главное. Солнышко садится на западе. Значит, там покойно и сердцу мило. Больше ничего простому человеку не нужно.

– Да песнопение совсем о другом. Как тебе объяснить? – растерянно зачастил отец Василий. – Понимаешь, Анисий, наш Господь Иисус Христос приходит в тёмный мир ко всем людям. Знатым и неприметным. Богатым и сирым. На Него вся надежда. Он как солнце.

* «Свете Тихий» – церковное песнопение суточного богослужебного обихода.

– Дык и я про то! – возница припустил лошадь. Коляску чуть тряхануло. Улыбка Форыча расплылась.

– Ночи, святой отец, скоро вовсе не станет. Только тепло и покойно. Завсегда в церкви до этой песни стою. Достоин е-е-си, – с чувством пробасил Петухов, – вре-е-мена... Спели, тогда и домой можно. На свой «запад солнца». Я даже лежанку в избе так прозвал: «солнечный запад». Не шибкий мне грех будет?

– Не шибкий, – обронил Болеславлев. – Адиафорное* мечтательство. Не более.

– Во-во, в точку! – Анисий согласно кивал. – Помечтать мы любим. За столом, с дружеским человечком – так особенно.

– Эй, шалопуня! – крикнул он лошадке. – Не путай копыта. Прибьёшь нас всех!

Высоко в небе поднялся тонкий серп новорождённого месяца. В его робком свете редуты молодых ёлок казались сиреневой изгородью вокруг мигающей огоньками деревни.

«Бубеньёво, наверное, – вздохнул Василий Фёдорович, – далеко ещё. Ехать и ехать. Древняя дорога. И ведь не скажешь “старая”,

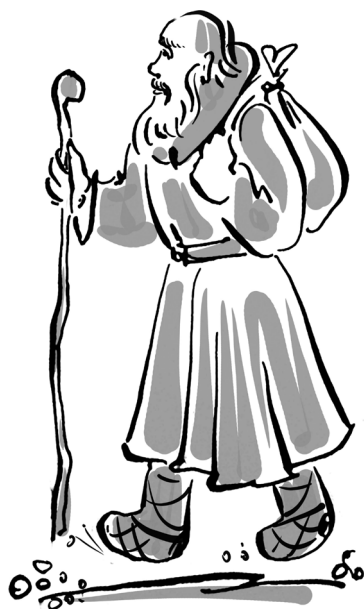
---

* Адиафора – термин, обозначающий действие нравственно нейтральное

новой-то нет. Грозный Иван Васильевич, император Пётр, матушка Екатерина, Карамзин, Пушкин, Гоголь, мы с Дуняшей – все скакали по этому тракту. И хотя Николай Александрович Первый урезал скособоченные своротки, спрямил вихлявую ленту прежде набитых прогонов, иного пути не предвидится. Прежний, сколь ни мости, – всё одно ветшает. Скоро по нему не помчишься. Иногда не едешь, а ковыляешь, будто важный, но подслеповатый старик.

Время, конечно, пройдёт. Новенькие паровозы поддадут дыма с копотью. Умельцы придумают коляски с механизмом. Засвистит тогда в ушах отчаянных седоков северный ветер. Средь жидкой ряби березняка замелькают перед ними села, поднимутся да исчезнут колоколенки. Остекленеет морозом небо, затянет перекрестки и распутья густым туманом, повалятся в придорожные овраги коляски, мужицкие телеги, а им лишь бы стремить свой шалый бег. Когда же этому быть?..

Сегодня нам от огня к огоньку скакать да скакать. Как там у Александра Сергеевича: *“Катит по-прежнему телега; / Под вечер мы привыкли к ней / И, дремля, едем до ночлега, / А время гонит лошадей...”**

* А.С. Пушкин «Телега жизни»

Точно сказано! Гонит время. Нет от него пощады. Ни лошадям, ни седокам... Холодает, однако!»

Василий Фёдорович плотнее запахнул рясу, надел скуфейку. Со стороны неразличимой Тверцы раздался тревожный крик ночной птицы. Шире раскрылось небо, лунный серп наливался жидким золотом. Птица простионала трижды.

«Жалуется бедолага, – щурился вдаль священник. – Одиноко птахе. Вот месяцу наверху хорошо. Нарождается, подрастает. Светит всем ровно и беспечно. Любое облачко рано или поздно стонит ветер, а у него, меж тел вселенских, своя непреложная тропка: “На тверди небесной Бог повесил лампы, и стало так”».*

Забравшись поглубже в коляску, Болеславлев размышлял:

«В звёздном сиянии мы видим мир, а Творец видит нас. Но что станет с нами? Ни солнце, ни луна не ведают. Хотя отсчитаны времена, назначены сроки».

Мысли перебивали одна другую:

«Занятно узнать, как поступит Павский с картинкой? Наверняка приложит к чему-нибудь вы-

* См. Бытие 1, 15

сокоумному, полезному. Напечатает исследование.

Когда Дуняша замуж пойдёт? Похоже, решалась. По всему – пора. За невестилась.

Брат с приходскими делами разберётся. Лишних денег Господь Никите не пошлёт, но и нищеты не попустит.

Фрол Овечкин из Мермерин прочтёт ещё две дюжины книг, а Нелидова вместо пансиона откроет в Медном приют.

Новоторжский архимандрит соберёт оброки для консистории, отвезёт заветную кубышку в Тверь – и до Троицы сам себе весёлый господин.

Калики смоленские посетят Калязин, а там дальше, через Ладогу и Онегу, петлистый путь в Беломорские края. Сапоги у них крепкие. Теплом ежели, босыми пойдут».

Священник закрыл глаза. Ему представилась картина, на которой между холмов терялись глубокие синие озёра, фиолетовые островки иван-чая маячили на просторах зеленых нив, а дорога бежала вдоль берега широкой реки.

«Если бы ангелы на верстовых столбах развесили упредительные записки, то можно было бы в них за-

глядывать и сочинять дальние планы. А так... – отец Василий почти задремал. – Что остаётся? Скачи себе, доставай из сундука памяти случай за случаем, обдумывай прошлые приключения, перелистывай дневник хлопот, гадай в удачу и молись.

Вот куда меня завтра призовут: крестить, соборовать, отпевать или сразу на Суд Божий? Майских дел настроил: калитку в храмовой ограде поправить, крышу на колокольне залатать, домашнее крыльцо покрасить, кресты над родительскими могилками обновить, статейку для «Ведомостей» закончить. Если новой войны не грянет – поживём. Трястись нам с Форычем ещё далеко, ещё далеко...»

Эпилог

Глубоко за полночь коляска миновала поворот на село Отмичи. Тёмные стены высоких сосен нехотя раздвигались; тракт нырял в глубокую чашу лесного проёма. Только скрип рессор и шептание камешков под колёсами нарушали немоту этого позднего часа. Небо медленно затянуло пеленой распластанных туч. Не стало ни звёзд, ни месяца, ни огонька, ни искорки. Холодом веяло из сумрачного чернолесья.

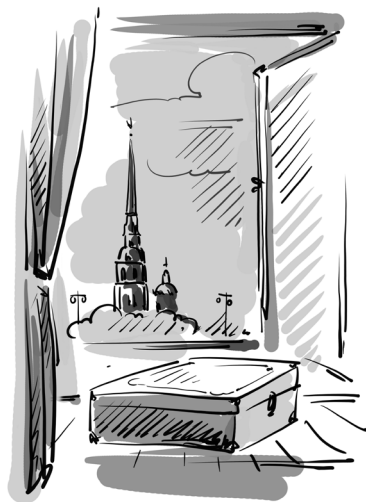
Но вдруг... Далеко впереди, почти над самой Тверью, мелькнули лезвийные порезы коротких молний, ударили сколы раскатистого грома. Налетел ветерок. Сперва робкий, он быстро крепчал, взлетал к верхушкам деревьев, поднимал прошлогодний пожухший лист, выламывал дряблый сухостой, забегал вперёд, возвращался обратно, метался вокруг одинокой коляски. Грозовые сполохи сверкали отрывисто, ярко, и в воздухе уже слышался запах весеннего ливня.

P.S.

Вечером тринадцатого августа 1862 года протоиерей Павский получил из Твери конверт. Герасим Петрович распечатал депешу, и всю ночь в окне его квартиры дрожал огонёк свечи. К первому солнечному часу он подробно исследовал рисунок, присланный Болеславлевым. Сделал три копии и каждую снабдил пространными комментариями. Первая предназначалась ирландскому антиквару Джорджу Петри. Вторую Павский решил отправить на Плещеево озеро в Никитский монастырь архимандриту Фёдору Бухареву. Третья же, вместе с письмом и художествами отца Василия, легла в шкатулку, помеченную надписью: «Архив неотложных дел».

«Скоро осень, – Герасим Петрович отворил окно, и сквозняк с Невы тут же задул пламя на оплывшем огарке, – хвори, даст Бог, отпустят, засяду покрепче. Есть здесь какая-то тайна. В каждой мелочи мира свои секреты. Разглядеть бы хоть самую малость...»

Тверь, 2023 г.

*Автор выражает особую благодарность
добрым друзьям и единомышленникам
Александру Васильевичу Лепехину
и Виктору Валентиновичу Когану-Ясному.*

Литературно-художественное издание

Александр Юрьевич Шабанов

Болеславлев III
В Торжок и обратно
Короткая повесть

Художник - Т.Е. Косач
Корректор – Н.Е. Озерова
Дизайнер-верстальщик – И.Ю. Бодалёва

Общественная организация «Гражданская
преемственность – право, жизнь и достоинство».
101000, г. Москва, Лучников пер., д. 4, ком. 1,
тел. 8 (495) 625-06-67

Подписано в печать: _____. Формат 62х94 ¹/₁₆ **16+**
Усл. печ. л. 8. Тираж ____ экз. Заказ № _____

Отпечатано в ООО «Тверская фабрика печати»
(г. Тверь, Беляковский пер, 46)

